

Юлия Монакова

НАД СТУДЁНОЙ ВОДОЙ

Юлия Монакова

Над студёной водой

«Издательские решения»

Монакова Ю.

Над студёной водой / Ю. Монакова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961925-9

Журналистка Ася, переживающая личную драму, ищет забвения в работе. Она сбегает от любимого человека в северную деревню, чтобы сделать репортаж о снимающемся фильме. На съёмках Ася увлекается исполнителем главной роли Белецким. Проблема в том, что он женат... Сможет ли Ася вернуться к тому, кто ждёт и любит, и жить, как прежде? Сложные взаимоотношения членов съёмочной группы, эхо старинной легенды об обманутой цыганке, воспитанники детдома, ревность, отчаяние и надежда — над студёной водой Мезени...

ISBN 978-5-44-961925-9

© Монакова Ю.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ I	9
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Над студёной водой

Юлия Монакова

© Юлия Монакова, 2019

ISBN 978-5-4496-1925-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все персонажи, события и большинство географических объектов (в том числе цыганский посёлок на реке Мезень) – плод фантазии Юлии Монаковой. За совпадение с действительностью автор ответственности не несёт.

ПРОЛОГ

– Голубчик мой, свет уходит! – оператор-постановщик бросил на режиссёра преисполненный нетерпения взгляд и театрально сложил мягкие ладошки перед грудью, как индус. Этот умоляющий жест должен был выразить крайнюю степень его отчаяния.

– Понимаю, конечно, что «белые ночи» – звучит красиво и романтично, но снимать при таком освещении лично я отказываюсь, – категорично заявил он. – У нас должно быть яркое солнце, а не сумерки! Давай-ка быстренько ещё раз сцену прогоним...

– Да Вера что-то совсем не в форме, – буркнул режиссёр вполголоса. – Прямо расклеилась из-за вчерашнего, Сашка с ней и так, и этак бьётся, а она точно деревянная...

– А этот засранец где? – тоже понизив тон, полюбопытствовал оператор. – Отсыпается у себя в номере?

Режиссёр брезгливо дёрнул усом.

– Да куда ж ему деться – он вчера лыка не вязал, паскудник мелкий. Ладно, давай ещё разок попробуем... Внимание! – крикнул он. – Переснимаем сцену объяснения графа и Насти. Саша, Вера – двухминутная готовность!

При этих словах молодая женщина в пёстром цыганском наряде – певица и актриса Вера Громова, известная публике под сценическим псевдонимом Вероника Мендес – поднялась со стула и одёрнула свою цветастую юбку. Ей тут же заботливо протянул руку, предлагая на неё опереться, красивый мужчина в элегантном летнем костюме конца девятнадцатого века. Это был актёр Александр Белецкий, кумир всех российских женщин от мала до велика.

– Ты в порядке? – тихо спросил он у Веры. – Уверена, что справишься? Может, ну их всех к лешему? Тебе бы сейчас в гостиницу, горячего чая да поспать...

– Всё нормально, Саш, – отозвалась она с благодарной улыбкой. – Не в моих это привычках – включать «звезду» и срывать съёмочный график. Так... не по себе что-то. Я всё про Андрея думаю.

– А не пошёл бы он к... – Белецкий еле сдержался, чтобы не выматериться. – Ты из-за этого щенка ещё переживать будешь?

– Сашка! Вера! Вам особое приглашение нужно, или карету ждёте? – ядовито прокричал в их сторону режиссёр. – Дуйте бегом сюда!

Белецкий с Верой направились к месту съёмки. Объяснение русского аристократа и вольнолюбивой цыганки должно было происходить на берегу реки.

Красавица Мезень царственно катила свои студёные волны в сторону Белого моря. Чистейшая вода шумела по камням и была такой прозрачной, что можно было увидеть стайки серебристых рыбок, круживших над песчаным дном. В зеркале реки, насквозь прошитом солнечными зайчиками, отражалась прекрасная и величественная природа русского севера – густо поросшие таёжным лесом красно-глиняные берега.

– Тишина на площадке! – заорал режиссёр. Он вообще был громогласным и шумным, но довольно славным малым. – Тишина, вашу мать, я сказал! Камера!.. Мотор!..

Вразнобой откликнулись помощник оператора со звукорежиссёром. Громыкнула хлопушка-нумератор.

– Начали!!! – а это уже в сторону актёров.

Белецкий тут же схватил Верину ладонь и прижал к своим губам.

– Поедем со мной в Москву, Настя! – проговорил он умоляюще. – Ты для меня одна-единственная. Не могу я без тебя, хоть режь, хоть в огне сжигай...

Вера – впрочем, и не Вера это уже была, а гордая цыганка Настя из табора – насмешливо повела высокой соболиной бровью.

– Вы что же это, сватаете меня, барин? – спросила она, вперившись в него внимательным, пронизывающим насквозь взглядом. Он, внезапно смутившись, запнулся было, но через мгновение продолжил с прежним пылом:

– Тебе хорошо со мной будет, слово даю. Ничего для тебя не пожалею, ни золота, ни серебра! Нужды знать не будешь, платья новые – сколько хочешь, шали персидские...

– А, так вы для меня место богатой содержанки приготовили? – полыхнув очами, перебила она. Он осёкся.

– Так знайте же, барин, – тряхнув гривой чёрных волос и отбрасывая их за спину, проговорила строптивница, – любовь цыганки ни за какие деньги не купишь.

Отняв свою руку, она, не обернувшись, побежала вдоль берега реки – босая, лёгкая, стремительная, словно вольный северный ветер.

– Тогда... тогда я эту любовь завоюю! – отчаянно прокричал граф ей вслед.

– Стоп... – режиссёр замешкался на секунду, встретившись вопросительным взглядом с оператором, но тот молча показал ему большой палец.

– Снято! – попытожил режиссёр с облегчением. – Хватит дублей на сегодня. Сашка – молоток, спасибо тебе. Вера! – крикнул он в сторону убежавшей артистки. – Возвращайся! Всё отсняли.

И, словно в ответ на его реплику, со стороны деревни раздался громкий вопль:

– Семён!.. Семё-о-он!.. Сеня!..

Кричал администратор по локациям – тот самый, который выбрал это местечко в Архангельской области для проведения натурных съёмок. Он нёсся к съёмочной группе напрямки через луг, спотыкаясь и подпрыгивая от волнения, и бешено размахивал руками, что при его внушительной комплекции смотрелось весьма комично. Впрочем, никто даже не улыбнулся. Семёном звали режиссёра, и, судя по его напряжённо застывшему лицу, он сразу же сообразил, что добрых вестей этот гонец с собою явно не несёт. Все члены группы тоже взволновались и с опаской смотрели в сторону приближающегося админа.

– Сеня... – выговорил тот, задыхаясь, когда очутился совсем рядом. – Беда у нас... Андрюха пропал!

На площадке воцарилась тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием тучного администратора.

– Как пропал? – выговорил наконец режиссёр, отирая усталое лицо ладонями. – Когда же он успел, сукин сын?

– Да он, оказывается, и не ночевал в номере, – администратор махнул рукой, тяжело опускаясь на заботливо подставленный ассистентом режиссёра стул. Пластмассовые ножки угрожающе скрипнули и чуть подогнулись. – Постель нетронута. Мы-то думали, побуянил пацанчик – и теперь сутки дрыхнуть будет. А девица с рецепции говорит, что вчера ночью видела, как он отправился в сторону леса... Так с тех пор и не возвращался.

– Ети твою мать!.. – режиссёр в сердцах сплюнул. – Пробздиться решил, сопляк! Я уже вижу, как СМИ смакуют эту историю: поначалу на съёмках фильма актёры пытались набить друг другу морды, а затем одному из них вздумалось пойти ночью в лес погуляти. Вот только этого говна нам ещё и не хватало до полного счастья...

– Так он что, со вчерашней ночи один по тайге шатается? – нахмурился Белецкий. Страшно побледневшая Вера ахнула.

– В полицию сообщили? – игнорируя его вопрос, обратился режиссёр к администратору. Тот торопливо закивал.

– Уже поисковые отряды формируют... Вот-вот начнут лес прочёсывать. Там ещё полно добровольцев из местных записалось. Слава богу, белые ночи, не придётся утра дожидаться...

– А телефон его что?

– Вне зоны доступа, конечно.

– Лишь бы живой был, с-с-скотина такая... – в сердцах выдохнул режиссёр.

– Я с добровольцами пойду, – быстро сказал Белецкий. Режиссёр сделал страшные глаза.

– Ты что?! Саша, даже не вздумай! Ты у меня в главной роли вообще-то снимаешься, забыл?

– Так на сегодня съёмки закончены, – Белецкий уже торопливо расстёгивал свой пиджак, затем рывком стянул жилет и принялся за мелкие пуговицы на рубашке. – До утра я вернусь. Сень, ну неужели тебе самому будет спокойно работаться, если с пацаном что-нибудь случится? – он швырнул свою одежду в руки вовремя подоспевшей костюмерши, оставшись в одних брюках. Если бы не общий драматический контекст ситуации, вся женская часть съёмочной группы застонала бы сейчас в благоговейном экстазе при виде голого торса Белецкого.

– Да что с этим паршивцем делается?! – заорал режиссёр так яростно, что стало понятно – он и сам жутко перетрусил. – Молодой, здоровый... сейчас лето, даже звери нападать не станут. Ну, поплутает чуток, разве что обоссется со страху... найдём, конечно, – убеждая то ли окружающих, то ли себя самого, сказал режиссёр. – Вертолёты поднимем, беспилотники...

– Там болота везде, – тихо сказала Вера. – Он парень городской, не знает, как себя в лесу вести... может растеряться и наделать глупостей.

– Вера, – Белецкий встряхнул её за плечи, – успокойся, пожалуйста. Обещаю тебе, мы его найдём. Честное пионерское, – он легонько щёлкнул её по носу. Вера слабо улыбнулась на его попытку подбодрить её, но он этого уже не видел – бежал за ширму, чтобы стащить с себя остатки дворянского одеяния и переодеться в своё.

– Так, тоже быстренько сворачиваемся, – дал отмашку режиссёр. – Все в гостиницу. Возможно, с нами захотят побеседовать на предмет того, кто видел Андрея...

Он не сказал «в последний раз», вовремя осёкся. Но недосказанность эта так и повисла в воздухе.

ЧАСТЬ I

*Человек говорит: «Я хочу домой», и идёт домой.
И идёт по чёрной дороге, неся с собой
своё сердце с огромной рваной дырой.
И вокруг происходят болота и темнота.
Человек приходит в квартиру, гладит кота,
ставит чайник, подходит к окну с трудом.
И понимает, что это не дом, совсем никогда не дом.
Человек говорит: «Уже много лет
я не знаю дома, иду на свет,
я ищу свой дом, но найти не смог».
Человек выходит наружу – в бруснику, мох,
в бесконечную расплавленную тишину.
Человек идёт, как камень идет ко дну...
(Анна Долгарева aka Лемерт)*

Чемодан стоял на полу и зиял хищно разверстым пустым нутром. Ася ещё даже не начала собираться. Непонятно, когда и успеет, подумал Димка с тревогой. Ася, прежде всегда такая деловая и энергичная, стала несколько странной в эти месяцы – рассеянной и равнодушной, вяло-скупой на эмоции. Он, грешным делом, даже обшарил однажды тайком её сумочку – не подседа ли она снова на антидепрессанты. Всё было чисто, но... явно не в порядке. Может быть, она просто устала на работе, уговаривал он себя, стараясь гнать прочь мысли об Асиной попытке самоубийства четыре года назад. Но предстоящая поездка... не нравилась она ему. Ох, как не нравилась.

Ася вышла из душа, на ходу вытирая мокрые волосы полотенцем. Вот такой он любил её больше всего – чисто умытую, без всякого макияжа, который получался у неё в последнее время каким-то особенно агрессивным, словно плотным слоем краски она отгораживалась от окружающего мира, пытаясь замаскировать своё настоящее лицо до неузнаваемости. Раньше Ася никогда так ярко не красилась, даже если хотела завлечь мужчину – она и так была безоговорочно уверена в собственной неотразимости и привлекательности для противоположного пола. Разумеется, Димка обожал её любой – и с косметикой, и а-ля натюрель. Но ненакрашенная Ася была ему ближе и роднее. Хотелось бесконечно опекать и оберегать её, как маленькую беззащитную девочку с доверчиво открытым для огромного мира сердечком, девочку, которая ещё не успела познать в своей жизни ни подлости, ни предательства, ни боли, ни измены... Ася же при полном марафете вызывала у него стойкую ассоциацию со Снежной королевой – такой же безупречно красивой, но холодной и неприступной.

– Который час? – спросила она озабоченно. – Чёрт, выходить через сорок минут...

– Давай, я тебе помогу уложить вещи, – предложил Димка и, не дожидаясь ответа, распахнул дверцы шкафа. – Ты едешь на север, поэтому самое главное, о чём следует позаботиться – это о тёплой одежде.

Он принялся выкладывать из шкафа Асины свитера и шерстяные носки.

– Куда так много! – запротестовала было она. – Лето же...

– Ночи там всё равно холодные, – он покачал головой, – и на один солнечный день приходится десять дождливых. Я смотрел прогноз погоды в интернете на ближайшие недели. Вечерние платья и каблуки тебе точно не пригодятся. А вот куртку возьми с собой обязательно...

– Угу. И концертную телогрейку с концертными валенками тоже, – хмыкнула она, быстро складывая на дно чемодана смену белья, объёмную пухлую косметичку и умывально-купальные принадлежности: зубную щётку и пасту, мыло, мочалку, шампунь, скраб и гель для душа...

Что ещё? Ноутбук, камера с набором различных объективов, диктофон, зарядные устройства. Вот, в принципе, и всё.

– Утюг я с собой не потащу, – сказала она, – в крайнем случае, одолжу у наших костюмеров. И порошок тоже на фиг, не собираюсь там стирать руками в раковине... буду вещи в прачечную отдавать.

– А ты уверена, что в вашей гостинице предоставляются услуги прачечной? – вздохнул Димка. – Я вот почему-то сомневаюсь, что у них даже банальный вай-фай есть.

– Да ладно тебе. Там тоже живут люди, а не дикари-папуасы. Как-то ты слишком сурово настроен к этому месту... – Ася поднесла к лицу маленькое зеркальце и принялась торопливо и умело краситься. Лететь в командировку с «голым» лицом она не могла.

– Я не из-за места переживаю, – признал он нехотя, – а из-за людей, которые там живут.

Конечно же, она поняла, что Димка имеет в виду, но сделала вид, что замешкалась, обводя контурным карандашом линию губ – ей нужно было время на обдумывание ответа. Дело в том, что неподалёку от той деревни, где должны были проходить съёмки фильма, обосновался Асин бывший муж, женатый ныне на её лучшей подруге. Глупо было бы продолжать делать вид, что она не знала этого или забыла...

История была давняя – во всяком случае, теперь уже Ася могла спокойно об этом говорить. Но Димка, похоже, всё ещё не мог до конца поверить в то, что Ася отпустила ситуацию и разлюбила Стаса окончательно, хотя она и убеждала его в обратном.

– Да брось ты, – Ася повернулась к нему и успокаивающе махнула рукой. – Чего теперь об этом вспоминать. Я, может, до них даже не доеду. Всё-таки, пятнадцать километров...

Имя Станислава Князева было на слуху у многих – известный иллюзионист, которого часто называли «русским Дэвидом Копперфильдом». Популярность он снискал, пока жил в Питере – сначала работал в цирке на Фонтанке, а затем открыл собственный Театр Магии. После трудного и нервного развода с Асей, который изрядно измучил обоих, он вернулся на свою малую родину, в оставшийся после смерти бабушки старый дом, и вскоре женился на Неле – Асиной подруге детства, к которой, как выяснилось, давно неровно дышал. И, кстати, абсолютно взаимно – ради своей любви Неля оставила родную Москву и переехала в забытый богом северный городишко Мезень, протянувшийся вдоль одноимённой реки.

Свою звёздную карьеру Стас не забросил: время от времени он выезжал за границу с гастрольями, а также устраивал туры по российским городам и весям. В первый год после свадьбы Неля часто сопровождала его в качестве переводчика, если это была зарубежная поездка. А потом у них родился сын, и Стас всё реже стал соглашаться на дальние турне – во всяком случае, до тех пор, пока Матвей был ещё слишком маленьким.

Ася не поддерживала с бывшим мужем никаких отношений. С Нелей они вели довольно регулярную переписку по электронной почте и изредка созванивались, поздравляя друг друга с праздниками или днями рождения. Пару раз за эти несколько лет Неля приезжала к родителям в Москву, и они с Асей пили вместе кофе, осторожно прощупывая безопасные темы для разговора и стараясь не ворошить прошлое. Нет, Ася не держала на Нелю зла, ведь она и сама в своё время причинила подруге немало боли. Но ковырять эту рану Ася больше не хотела. Что сделано – то сделано. Неля приняла её условия, и в целом такое общение вполне устраивало обеих, хотя, быть может, им и не хватало немного прежней доверительности – когда можно было шептаться о своих секретах хоть до утра, голова к голове, как раньше...

А когда у Нели со Стасом родился Матвей, Ася стала всё больше отдаляться от подруги. Слишком по-разному они теперь смотрели на окружающую действительность. Для Нели – по крайней мере, в первый год жизни малыша – весь мир сосредоточился исключительно вокруг сына. И интересы, и разговоры, и ценности у неё теперь стали иными. Это было нормально, логически объяснимо... но, тем не менее, ещё больше разъединяло их.

Ребёнок у Нели со Стасом рос хорошеньким, просто загляденье! Огненно-рыжие, как у мамы, кудряшки – и при этом глаза отца, того же невероятного сиренево-фиолетового оттенка. Чудесный, славный, симпатичный мальчик... но читать Нелины письма о нём и разглядывать фотографии было почему-то тяжело. Возможно, Ася просто завидовала – ведь у них с Димкой дети всё никак не получались...

Это было отдельной, большой темой. Ася, такая сильная и уверенная в себе внешне, моментально теряла защитную броню и становилась очень уязвимой, когда знакомые и даже малознакомые люди с типичной национальной бесцеремонностью задавали ей вопросы о будущих детях – дескать, не пора ли? Не слишком ли она затянула с этим делом?

Она бы и рада была не затягивать, но... бесстрастно-жестокое тесты на беременность неизменно показывали одну-единственную полоску. Целый год они с Димой пытались зачать ребёнка, и Ася каждый раз молилась о задержке, скрестив пальцы.

Год. Двенадцать месяцев. Двенадцать осечек. Сотни тестов...

Морщась от отвращения, Ася часами читала мамские форумы с ужасающими её «беременняшками», «овуляшками», «меськами», «пузожителями», «сисями», «годовасиками», «покаками» и «пописами», пытаясь во всём этом неистово брызжущем фонтане гормонального восторга вычленить хотя бы капельки действительно стоящей и ценной информации.

Подруги, приятельницы и коллеги, уже успевшие обзавестись потомством, наперебой советовали ей самые верные и надёжные народные методы поскорее забеременеть. Чего она только не предпринимала! Даже бросила курить и употреблять алкоголь. Стояла в позе берёзки после секса. Подкладывала под бёдра подушечку. Несколько часов после занятий любовью боялась ходить в туалет или в душ. Заваривала целебные травы – боровую матку, шалфей, корень красной щётки... Ничегошеньки не помогало.

Мало что понимая во всех этих интимных вопросах, Ася, наконец, сдалась и доверилась врачам. Ей почему-то казалось, что вот теперь-то уж точно всё наладится: ей пропишут какие-нибудь витамины или даже уколы, и ей моментально удастся забеременеть. Разве может быть иначе? Цикл у неё регулярный – чуть ли не часы можно сверять, аборт Ася никогда не делала... Да, вступала в беспорядочные связи с различными мужчинами, бывало, но она ведь всегда предохранялась и ни разу не подхватывала никаких венерических заболеваний. Так с чего бы ей испытывать трудности с зачатием? Наверное, это просто стрессы и банальный авитаминоз.

Однако после многочисленных анализов и исследований ей был поставлен неутешительный диагноз: гиперплазия эндометрия. Забеременеть с такой патологией было невозможно даже при помощи ЭКО, требовалось серьёзное лечение, местами весьма болезненное.

Опять потянулись месяцы невыносимого ожидания, слёзы, надежды – и каждый раз разбивающееся на кусочки сердце, осколки которого Ася с каким-то отчаянным упорством пыталась склеивать снова и снова. Клеила до тех пор, пока не устала. Просто вычерпала себя до дна...

Оставалось ещё два выхода: суррогатное материнство или усыновление. Но Ася и слышать о них не хотела. Димка подозревал, что именно по этой причине она так упорно отказывалась выходить за него замуж все эти годы – боялась, что станет ему в тягость, что однажды ему всерьёз захочется собственного ребёнка от какой-нибудь другой, более здоровой женщины... Ему же было плевать. Он любил бы Асю всякой – и с детьми, и без, что неоднократно ей повторял. Но она всё-таки медлила с окончательным ответом...

А всем своим не слишком-то деликатным знакомым на вопрос о детях Ася с тех пор стала решительно отвечать, что она убеждённая чайлдфри. И пусть данная позиция вызывала у многих непонимание, осуждение и даже возмущение – это было всяко проще, чем выносить чужую жалость. Выглядеть в глазах посторонних людей бедненькой и несчастненькой, вызы-

вать сочувствие Ася ненавидела больше всего на свете. Никому и никогда она не позволяла себя жалеть.

Глядя на Асю, застёгивающую чемодан, Димка вдруг почувствовал, как сжалось сердце. Он подошёл к ней и крепко обнял, с трудом настраиваясь на почти месячную разлуку. Ася не любила долгих прощаний, выматывающих душу, поэтому запретила ему провожать её до аэропорта.

– Жаль, что я не могу поехать в эту самую тмутаракань вместе с тобой, – прошептал он с искренней досадой. Он тоже покидал Москву на днях – вот-вот должен был стартовать стамбульский этап премьер-лиги карате, и Димка вместе с некоторыми своими учениками принимал участие в турнирах. Гонка за первые места в рейтинге WKF* шла полным ходом: все каратисты мира готовились к грядущим Олимпийским играм в Токио.

– Давай уже поженимся, а? – проговорил он, касаясь губами её лба. – Или ты до сих пор во мне не уверена?

Ася нежно потёрлась носом о его щёку.

– В тебе я уверена больше всех на свете, Димочка. Но предлагаю снова вернуться к этому разговору, когда я приеду домой.

– Как скажешь, – согласился он со вздохом.

**WKF – сокр. от англ. World Karate Federation (Всемирная федерация карате)*

Новое время, новые реалии в мировой журналистике диктовали иные условия: теперь всё больший упор делался на оперативность, а не на качество подаваемого материала как таковое. Все уважающие себя газеты и журналы давно перешли на интернет-версии. В них вкладывалось куда больше сил и энтузиазма, чем в бумажное издание. Ася же, тяготеющая к работе по старинке – с чувством, толком, расстановкой – только досадливо морщилась, когда главный редактор требовал от неё текст буквально онлайн, сляпанный на коленке прямо на месте события и отправленный по ватсапу.

Три года назад она ушла из своего журнала и устроилась руководителем пресс-службы в кинокомпанию «Российская мелодрама». Должность завидная – просто лакомый кусочек, но в то же время и невероятно хлопотная. По сути, на работе Ася представляла собой эдакого многорукого Шиву. Она занималась пресс-релизами и организацией интервью с артистами, сценаристами, продюсерами и режиссёрами, а также писала статьи на околкиношные темы для СМИ и готовила критические обзоры вышедших фильмов. У неё было бойкое и острое перо, лёгкий запоминающийся слог и способность разговаривать даже самого необщительного собеседника, поэтому её материалы охотно покупались и перекупались крупнейшими российскими изданиями. Но самое-то главное – ей не приходилось писать материалы высунув язык, можно было наслаждаться творческим процессом и работать в своё удовольствие.

Нынешняя поездка была связана со съёмками нового фильма режиссёра Семёна Горюкова – экранизации старинной легенды о судьбе цыганки, обманутой русским графом и жестоко отомстившей затем всей его семье. Большую часть сцен планировалось отснять именно «на натуре», а именно – на лоне живописнейшей природы русского севера. Главной удачей для съёмочной группы оказалось то, что на месте произошедших много лет назад событий по сию пору сохранился цыганский посёлок, жителей которого планировалось завербовать в массовку.

Разумеется, обитающие там сейчас цыгане имели мало общего со своими кочующими предками. Они крепко обосновались на этой земле. Кое-кто понастроил каменных домов-двор-

цов, на которые жители соседних сёл и деревень только рты разевали в немом изумлении, поскольку видали подобные хоромы лишь в кино. По цыганской традиции, сыновья не отселялись после свадьбы, как дочери, а приводили молодую жену-невестку в родительский дом. Промышляли мезенские цыгане в основном охотой и разведением домашнего скота, работали с лошадьми, но некоторые из них имели какие-то тёмные делишки и тайные доходы. Возможно, браконьерили в тайге потихоньку, но за руку схватить их пока что никому не удавалось.

Старожилы окрестных деревень не могли вспомнить и объяснить, каким ветром принесло цыган почти полтора века назад к Белому морю, какая нужда заставила искать приюта на далёком и неприветливом севере. Но только раскинули они в 1885 году табор на правом берегу реки Мезени – и всё лето мелькали там разноцветные разлетающиеся юбки, звенели браслеты на гибких девичьих руках и мониста на тонких шейках, ночи напролёт горели костры, ржали лошади... А ещё звучали песни на непонятном языке, вынимающие душу у случайного слушателя.

Эти пришлые – юркие, изворотливые и пронырливые – шастали по улицам, по дворам, шуровали на базаре, подворовывали по мелочам. С ними боялись связываться – дьявольское отродье, а ну как порчу нашьют или сглаз какой! Цыганки стучались в дома побогаче, заманивая хозяйшек своим гаданием, и иные дуры-купчихи велись на их прельстивые речи, щедро одаривая затем гадалок продуктами, деньгами, а то и драгоценностями.

Немало купеческих и мещанских дочек обожглось о чёрные очи заезжих смуглокожих молодцев, засмотрелось на их смоляные кудри да заслушалось сладким пением. Ох, и многих девок испортили тогда цыганские парни!

Но самой большой занозой в памяти местных жителей засела Настя, красавица-цыганка с удивительным голосом, которым, как гласило предание, заслушивались не только люди, но и звери, и птицы, и лес, и река, и ветер, и небо...

Обольстил её заезжий красавец-граф, уговорил бежать с ним в столицу, обещал златые горы. Божился, что сразу же обвенчается с ней в Москве, что выучит её грамоте и сделает оперной певицей, прочил Насте мировую славу. Поддалась цыганка его пылким уговорам и оставила родимый табор. Однако в Москве выяснилось, что граф давно женат, а Настю планировал держать при себе в качестве красивой игрушки. Люто отомстила оскорблённая цыганка, дико: графа зарезала, а дом его, внутри которого находились запертые жена и дети, подожгла.

Долго ли, коротко ли, а возвратилась Настя на Мезень, в свой табор, спасаясь от правосудия – битая, поруганная, преступная, жалкая и поникшая. Но отец и слышать ничего о ней не захотел: проклял дочь с того самого момента, когда она сбежала со своим любовником-гаджо и опозорила их род.*

*Самое страшное наказание для рома** – лишение права принадлежать цыганскому обществу. Настя была осквернена в глазах родных и близких, и позволить ей вернуться домой считалось немыслимым делом.*

*Цыганка без табора и без любви – что птица без крыльев. И улететь нельзя, и петь больше не могут... Полиция шла по Настиному следу, но даже каторга больше не пугала гордую красавицу. Любил её один молодой цыган, крепко любил, горячо и беззаветно, с самого детства – так преданно, что готов был взять Настину вину на себя, лишь бы она хотя бы раз ответила согласием. Но не приняла цыганка от него такой жертвы. Да и не смогла бы вынести объятий чужих постылых рук... Отказала она несчастному чаворо***, а сама побежала к реке.*

Берега на Мезени крутые, до пятнадцати сажень в высоту. Стоишь на таком обрыве – и дух замирает, а голова кружится... Засмеялась Настя жутко, страшно. Тех, кто слышал

этот смех, мороз пробрал до самого нутра. Постояла цыганка ещё немного на высоком красном берегу, продолжая заливаться бесовским своим смехом – да и бросилась камнем вниз...

Так и не нашли её тела – его уволокло течением. Но с тех самых пор ночами, когда в небе висит полная седая луна, слышат люди в этих краях Настин голос. То поёт она, заливаясь птичкой, то плачет жалобно где-то на болотах, а то хохочет так, что тянет немедленно перекрестится...

**гаджо (гаджё) – «не цыган». Человек, воспитанный вне рамок цыганской культуры, не имеющий цыганских качеств и не стремящийся принадлежать к цыганскому сообществу, чужой. По сути, примерно то же самое, что и «неверный» для мусульман.*

***рома – буквально «цыгане», самая большая из всех существующих цыганских ветвей, включающая в себя несколько малых этнических групп (руска рома, котляры, ловари, влахи, крымцы и т.д.)*

****чаворо (чаво) – парень, паренёк*

Ася перечитывала эту легенду несколько раз. Готовясь к поездке, она распечатала себе все материалы, относящиеся к будущему фильму хотя бы косвенно, в том числе и биографии участников съёмок – во всяком случае, ту информацию, которая была доступна в сети. Она знала, что должна сделать очень хороший и обширный материал, поэтому планировала подружиться с каждым членом съёмочной группы и методично исследовала их странички на фейсбуке, одноклассниках или вконтакте.

У исполнителей главных ролей – Александра Белецкого и Вероники Мендес – не было аккаунтов ни в одной соцсети, даже в инстаграме. Однако википедия и кинопоиск знали о них достаточно, чтобы у Аси сложилась в голове вполне определённая картинка. Ей не приходилось сталкиваться с этими звёздами в жизни, поэтому было ужасно любопытно – подтвердятся ли её догадки и предположения после реального знакомства.

Белецкого, конечно, она видела раньше в кино – роковой красавец, такого сложно было бы не заметить и не запомнить, даже если вовсе не увлекаешься отечественными мелодрами. Неля делилась с ней раньше восторгами после посещения некоторых спектаклей с его участием – в семье подруги все были заядлыми театралками, предпочитая классический русский театр новомодным веяниям и ломающим стереотипы смелым постановкам.

Ася с любопытством рассматривала фотографии Белецкого, которых в интернете было навалом: на сцене и со съёмок, в образе и в жизни, у себя на даче в легкомысленной футболке и в смокинге на красной дорожке... На роль графа Николая Бобровского он подходил просто идеально – благородная внешность, тонкие аристократические черты лица, пронзительный взгляд синих глаз – короче, девчата так и падали, сами собою укладываясь в штабеля.

Изучая биографию артиста, Ася слегка запуталась в количестве его браков и детей – как законных, так и внебрачных. Самым громкой, конечно же, была история с голливудской актрисой, закрутившей роман с Белецким во время совместных съёмок в Москве. Она вернулась в США уже беременной, не сообщив Белецкому об этом, однако после родов не стала скрывать от журналистов, кто является отцом её ребёнка.

Ася вдруг вспомнила знакомую журналистку Каринэ Саркисян – редактора журнала «Глянец» о светской жизни знаменитостей. Поговаривали, что она тоже спала с Белецким, но Ася не была Каринэ настолько близкой подругой, чтобы выпытывать, правда ли это. Хотя, сказать по совести, Асю эта тема и вовсе не интересовала. Ей было абсолютно наплевать на чужую личную жизнь. Тем более, раньше она и сама не гнушалась завязывать кратковременные романы со знаменитостями, благо – профессия и яркая внешность позволяли.

В настоящее время Белецкий был женат на какой-то начинающей смазливой певичке, по возрасту годившейся ему в дочери, что было весьма смело после перенесённого им

инфаркта. Нет, выглядел он, конечно, значительно моложе своих сорока с хвостиком, однако... «Кобель всегда останется кобелём!» – вынесла вердикт Ася, резюмируя всю почерпнутую из интернета информацию, и на всякий случай решила не слишком сближаться с Белецким на съёмках. От греха подальше.

А вот относительно Вероники Мендес, выбранной на роль цыганки Насти, у Аси имелись большие сомнения. Да, пела она прекрасно, и голос у неё был действительно необыкновенный, но... целесообразно ли отдавать певице главную роль в кино? Мендес никогда прежде не снималась в фильмах. Весь её актёрский опыт ограничивался главными партиями в мюзиклах, что, по глубокому Асиному убеждению, с большой натяжкой можно было причислить к настоящей драматической игре. Почему к этому проекту не привлекли профессиональную актрису? Мендес могла бы просто спеть за неё в фильме, только и всего... Куда смотрел кастинг-директор? Да и по возрасту эта Мендес, прямо скажем, не девочка – Ася проверила, они были с ней ровесницами. Конечно, сама себя к старухам Ася пока не причисляла, но исполнять в тридцать восемь лет роль юной и обольстительной цыганки... это, извините, курам на смех. Совсем как её тёзка Вероника Кастро, сыгравшая семнадцатилетнюю девчонку в «Дикой Розе» в свои – такие явные! – тридцать пять.

Да, во внешности Мендес было что-то цыганское. Известность и любовь публики ей принесла роль в мюзикле «Гитана», рассказывающем о жизни испанских цыган-кале. И вообще, она была красива. Даже очень. Так что, наверное, какая-то логика в утверждении её на главную роль в фильме всё же была – наверное, режиссёру виднее... Впрочем, Ася всё равно не могла отменить это решение или как-то повлиять на него, поэтому ей оставалось только смириться и попытаться сработаться с этой самой Мендес.

Вера щёлкнула замочком на своём чемодане, мимолётно подумав – не забыть бы, куда она положила ключи, как это случилось на минувших гастролях. А не то опять придётся взламывать замок, пугая персонал отеля просьбами принести в номер молоток или плоскогубцы. Муж давно предлагал ей перейти на кодовые замки, где никаких ключей и вовсе не надо, но Вера с ужасом отвергла это предложение. У неё была неплохая память, если дело касалось текстов песен, сюжетов фильмов или книг. Но запомнить комбинацию цифр? Немыслимо!

– Откровенно говоря, все эти замки – только для хозяина. Или для дураков, – добродушно наблюдая за её действиями, улыбнулся муж. – Если твой чемодан захотят вскрыть – отсутствие ключа их не остановит. Поэтому, дорогая моя, лучше вообще не сдавай в багаж ничего ценного...

Вера уже не слышала его – отвлеклась на чтение нового сообщения в ватсапе. Это писал Славка, сын Романа от предыдущего брака.

«Какой у тебя номер рейса? Хочу приехать в аэропорт и проводить».

Вера напряглась. Только этого ей сейчас не хватало... Неужели опять за старое? А ей казалось, что он забыл своё глупое увлечение и оставил её в покое...

Славке шёл восемнадцатый год. Он едва успел окончить школу – вернее, даже не совсем окончить, поскольку всё ещё крутился в водовороте ЕГЭ, и до выпускного бала дело тоже пока не дошло. Год назад с какой-то радости несносный мальчишка втемаяшил себе в голову, что влюблён в жену своего отца – и принялся весьма недвусмысленно добиваться её расположения. Главным его аргументом было убийственно-серьёзное «я молодой, а папаше уже за сорок».

А ведь поначалу, когда Роман с Верой только поженились, Славка был весьма негативно настроен к мачехе. Впрочем, она и не считалась для него мачехой в полном смысле этого слова – ведь после развода родителей он остался со своей родной матерью, Катериной. Именно она была ответственна за подобное отношение сына к Вере, мастерски наускивая его против

отцовской страсти – дескать, именно эта шалава-разлучница виновата в развале их некогда крепкой, дружной и любящей семьи.

На самом-то деле, Роман ушёл от Катерины задолго до того, как Вера ответила ему согласием. Но подростковый возраст – самый внушаемый и обвиняющий, так что Славка очень скоро запел под материнскую дудку. Он отказывался приезжать в гости к отцу, предпочитая встречаться на нейтральной территории, и избегал любых разговоров о Вере – её для Славки просто не существовало. Да и от отца он отдалился, временами чувствуя, что почти ненавидит его за предательство и за ту боль, которую он причинил маме.

Так продолжалось около года. Роман страшно переживал, что контакт с сыном теряется и прежние доверительные отношения вряд ли можно вернуть. Он был очень привязан к этому вихрастому большеглазому пареньку и ужасно скучал по нему.

А в начале десятого класса Славкины одноклассники как-то пронюхали, что его папаша женат на певице Веронике Мендес (хотя она старалась держать журналистов подальше от своей личной жизни – мало кто знал имя её избранника), и надели с расспросами – как она и что. В глазах одноклассников новый брак его отца был «крутым» и «клёвым». Славке стыдно было признаться в том, что с отцовской женой он за всё это время и парой фраз не перекинулся, да и видел её всего один раз – когда отец соизволил их познакомить. На свадьбу к ним, понятное дело, Славка не ходил.

То, как пацаны заочно восхищались его мачехой, заставило Славку по-новому взглянуть на Веру. А ведь, наверное, это и правда прикольно – когда твой собственный отец заполучил в жёны мировую звезду. Славка был немного знаком с Вериной биографией благодаря интернету и запомнил, что в Америке, где певица провела значительную часть своей жизни, она тоже была весьма и весьма популярна. Звезда Бродвея!

Он стал изредка гостить у отца, потихоньку присматриваясь к Вере. Настороженно, недоверчиво, но без враждебности и агрессии. Ему импонировало, что она не пыталась лебезить перед ним и не заискивала в попытках подружиться, чтобы сразу же завоевать его расположение. Вера вела себя спокойно и естественно, и это подкупало.

А потом... Славка и сам не заметил, как с ним это произошло. Когда он успел втюриться? Просто в один момент поймал себя на том, что хочет постоянно думать о Вере, вызывать в воображении её образ, фантазировать о том, в чём и признаться-то вслух стыдно. При встречах щёки его заливало дурацким румянцем, как у девчонки. Он стеснялся пялиться на неё слишком откровенно, и всё же не мог заставить себя отвести взгляд от её полных розовых губ, в уголках которых постоянно прятались смешинки, от нежной кожи, от высокой груди, которую не скрывала, а лишь подчёркивала любая одежда. Вера выглядела невероятно соблазнительно и притягивала его к себе, как магнит.

Ночами его стали терзать сладко-мучительные сны, в которых неизменно присутствовала Вера. И это было восхитительно... Во сне он мог делать с ней всё, что хочет, чувствуя себя уверенным и опытным самцом (что, разумеется, не соответствовало действительности) – и она не противилась, была мягкой, покладистой и отзывчивой к его жарким ласкам.

Первой обо всём, что происходит со Славкой, догадалась, как ни странно, не Вера. И даже не Роман. Материнское сердце-вещун подсказало Катерине, что с сыном творится неладное – слишком уж он зачастил в гости к папёнке и по поводу, и без. А ведь раньше спокойно мог обходиться без отца неделями и даже месяцами. Не пахнет ли тут какими-то кознями со стороны Веры? Смутно предчувствуя беду, но не догадываясь толком, в чём она может заключаться, Катерина устроила шмон в комнате сына, пока он был в школе. Если дитятке, по её мнению, грозила опасность, она не гнушалась и такими методами.

Первым делом Катерина, конечно же, залезла в компьютер. Наивный Славка и не подумал его запаролить – мать всё равно ничего там толком не понимала. Она и в интернет-то выходила исключительно ради того, чтобы заглянуть на сайт «Одноклассники», да и то со своего ноутбука.

Долго искать не пришлось: включив компьютер, Катерина увидела папку «Вера» прямо на рабочем столе. Сердце у неё оборвалось. Кажется, самые дурные опасения подтверждались... Она кликнула мышкой и обомлела – внутри папки её сын собрал десятки, если не сотни, Вериних фотографий. Трудно было не заметить, что особое предпочтение Славка отдавал тем снимкам, на которых Вера была запечатлена в минимуме одежды. Откровенных фотосессий она не устраивала, однако где-нибудь на отдыхе, на различных пляжах, её нередко подлавливали папарацци.

Также Катерина обнаружила в компьютере аудиозаписи песен Веры – англоязычных и русских, и несколько видеоклипов. В общем, дальше искать просто не было смысла – диагноз и так налицо, её Славочка влюбился в эту нахалку, эту шалаву, эту развратницу!

Катерина не знала, как далеко у них успело зайти. Конечно, ей легче и проще было бы принять факт, что это Вера соблазнила её невинного мальчика и потому весь груз вины лежит исключительно на ней. Если это правда, то Роман, наконец, поймёт, что за змею пригреб на своей груди, и насколько выгодно смотрится на её фоне такая честная и порядочная женщина, как Катерина. Однако здесь нельзя было спешить и принимать необдуманных решений. Может статься и так, что Вера о влюблённости Славки ничего не подозревает – тогда не она, а Катерина поставит себя в идиотское положение. Да и доверие сына потеряет навсегда...

Она решила сначала поговорить со Славкой. Выяснить напрямую, что да как. Пожалеть сыночку, дать ему выплакаться на маминой груди. Мальчик трудный, со сложным характером, строптивый и обидчивый, но ей придётся приложить все усилия, чтобы достучаться до его разума. Ничего, вместе они справятся с этой бедой, они – семья... Всё у них будет хорошо.

Однако разговор с самого начала пошёл не так, как она себе распланировала.

– Что у тебя с этой Верой? – спросила она как бы между прочим, когда сын вернулся домой из школы и уселся обедать. Славка замер с ложкой, поднесённой ко рту, а затем медленно опустил её обратно в тарелку. Кровь прилила к его лицу, но он старался говорить спокойно и естественно.

– В каком смысле – «что»?

– Не придуривайся! – не выдержав, закричала Катерина, сбиваясь с запрограммированного спокойного настроя. – Я всё видела, всё! Её фотографии у тебя в компьютере...

– Ты шарилась в моём компе?! – возмутился шокированный Славка, вскакивая с места и пылая негодованием. – Да какого хрена! Что за наглость, как ты вообще посмела?! – он был до глубины души потрясён столь грубым вторжением в своё интимное, самое сокровенное, и сейчас чувствовал себя оскорблённым и раздавленным.

– Как ты со мной разговариваешь? – ахнула Катерина, хватаясь за сердце. – Я – твоя мать! Ты думаешь, я могу стоять в сторонке и спокойно наблюдать, пока моего сына соблазняет какая-то ушлая мадам, которая годится ему в матери?! Славик, боже мой, она ведь старуха! Ей сорок лет!

– Сорок – не ей, а тебе. Даже сорок два, – осадил её сын. – А Вера... никакая она не старуха. Она потрясная. Лучше всех!

Катерине захотелось заткнуть уши руками, чтобы не слышать этих диких речей, и зажмуриться, чтобы не видеть идиотски-счастливую физиономию сына. Но нужно было дойти до конца, расставить все точки.

– Что... у вас с ней было? – спросила она севшим вдруг голосом.

Славка с явным сожалением пожал плечами.

– Пока ничего.

Этот ответ вызвал у неё нескрываемое чувство облегчения. самого страшного не случилось! Эта дрянь ещё не успела растлить её сына.

– В таком случае... – Катерина набрала побольше воздуха в лёгкие, чтобы сделать вдох, – в таком случае я запрещаю тебе бывать у них дома. Встречаться с этой... – она долго не могла подобрать подходящего слова, – профурсеткой. Если захочешь видеть отца – то пожалуйста, можешь даже приглашать его сюда, я не против.

– Ага, щас, разбежался, – огрызнулся Славка. – Сначала ты по-хамски вламываешься в мою частную жизнь без стука, а потом бесцеремонно требуешь тупого повиновения? Я не собираюсь прекращать видеться с Верой, так и знай. Кажется... кажется, я её люблю! – выпалил он в запале.

Катерина обхватила голову руками и принялась раскачиваться, будто пребывала в трансе от сильной боли.

– Какая любовь! – причитала она. – Ну какая?... Тебе о выпускном классе нужно думать, об экзаменах, о поступлении в институт! Что ты творишь, негодяй?! Я немедленно расскажу всё отцу.

– Только попробуй! – звонко закричал Славка, моментально ошетиниваясь. – Посмей хоть слово ему сказать! Я тогда вообще из дома убегу!

– Славочка! – ахнула мать. – Да что ж ты такое говоришь-то?!

– Я всё сказал! – отрезал он и пулей вылетел из кухни. Через секунду шарахнула дверь его комнаты.

«А ведь и впрямь убежит, если ему в голову стукнет... он же бешеный, совсем с катушек слетел от своей „любви“, вот беда-то...» – со страхом подумала Катерина.

До самого вечера в квартире стояла гнетущая тишина. Славка и носа не высовывал из своей комнаты. «Голодный совсем, бедняга», – испереживалась Катерина, поскольку из-за напряжённого разговора за обедом поест сын так и не успел. Время от времени она на цыпочках подкрадывалась к двери и прикладывала к ней ухо, желая понять, чем Славка сейчас занимается, но так ничего и не расслышала. «Наверное, опять шарится в интернете и рассматривает фотки *этой*...» – подумала она с безразличием.

В восемь часов вечера Катерина робко поскреблась в дверь и пригласила Славку ужинать. Он вышел, не сказав ей ни слова, демонстративно нацепив наушники от плеера – как бы предупреждая, что не собирается выслушивать её глупости. Катерина решила пока что оставить всё, как есть. Пусть мальчик немного успокоится...

Она больше не приставала к нему с расспросами и нравоучениями. Просто поставила перед ним тарелку картофельного пюре с котлетами, подвинула миску с салатом, нарезала хлеб. Не отрывая взгляда от тарелки, он молча съел свою порцию, буркнул «спасибо» и снова скрылся у себя в комнате.

Промаявшись всю ночь без сна, к утру Катерина приняла важное решение: ей необходимо переговорить не с кем-нибудь, а с самой Верой. Желательно по телефону... Меньше всего на свете она сейчас хотела лично встречаться с женой своего бывшего – убеждая себя, что ей глубоко противна эта великосветская потаскуха, в глубине души Катерина попросту боялась не выдержать конкуренции. Какими бы обидными ни казались Славкины вчерашние слова, но против правды не попрёшь: Катерина в свои сорок два выглядела совершенной тёткой. Толстой, унылой, безнадежно запустившей себя тёткой. Она оправдывала огрехи своего внешнего вида затяжной депрессией после развода и скоропостижной маминой смерти – однако, откровенно говоря, это было всего лишь удобной отмазкой для подруг и знакомых. Пока мама была жива-здоровая и Роман ещё жил с ними вместе, Катерина тоже не особо-то следила за весом, могла по полдня бродить по дому непричесанной, в мятой одежде и с не менее мятым лицом.

А тут – Вера... Которой никто не даёт её тридцати восьми лет. Свеженькая, ухоженная, гибкая, с великолепной фигурой... Нет-нет, только не встреча глаза в глаза.

Телефонный разговор получился сумбурным и скомканным. Вера была застигнута врасплох этой вестью – как говорится, ни сном, ни духом, а Катерина неожиданно для самой себя расплакалась... Она просила Веру одуматься и не сбивать Славку с пути – ведь у него на носу выпускной класс. Ошарашенная Вера даже не возмутилась дикому предположению, что это она дала мальчишке повод смотреть на неё как-то по-особенному. Она просто попыталась успокоить Катерину, как могла, и пообещала, что в жизни не позволит Славке питать по отношению к ней каких-либо глупых иллюзий.

– Только не говори ему, что я тебе звонила, – всхлипнув, попросила напоследок Катерина. – Он так болезненно воспринимает вмешательство в свою личную жизнь... И Ромке, конечно, тоже ничего не рассказывай. Зачем волновать его понапрасну... ведь ничего страшного не произошло, верно? – словно уговаривая саму себя, заискивающе спросила она.

Вера пообещала, что будет держать язык за зубами.

И всё-таки, как ни готовила себя Вера к этому морально, а визит Славки застал её врасплох.

Он приехал рано утром, без приглашения или хотя бы предварительного звонка. Роман был уже на работе, а у Веры как раз случился выходной в театре Мюзикла, где она служила восемь лет. Славка, видимо, дотошно изучил расписание её спектаклей и выступлений и специально рассчитал время, когда она наверняка должна быть дома одна. Распахнув дверь и увидев его на пороге, Вера смешалась, даже чуть-чуть испугалась. Она недавно проснулась, только что приняла душ и сейчас собиралась пить кофе. А парнишка, завидев её, напротив – взбодрился и осмелел. Близость Веры приятно кружила голову и будоражила кровь. Она была в махровом банном халате, от неё сладко пахло какими-то лосьонами или кремами... Славка плохо в этом разбирался. Чёрт, она была просто великолепна!

– Ты к отцу? – спросила Вера дрогнувшим голосом. – А его нет, он уже на работе.

– Нет, – отозвался Славка. – Я специально к тебе приехал. Пригласишь войти?

– Зачем? – Вера отчаянно тянула время, думая, как выкрутиться из этой неловкой ситуации. – Извини, я сейчас... не очень благодарный собеседник. У меня выходной, и я планировала весь день молчать. Ты знаешь, певцы иногда делают это... для связок. Чтобы голос отдохнул, – она словно оправдывалась перед ним, и он, чувствуя её растерянность, расхрабрился ещё больше.

– Отлично. Помолчим вместе. Выпьем кофе. Ты же угостишь меня? Я не буду тебе мешать, обещаю.

Вера беспомощно смотрела, как он входит в прихожую, и в ужасе понимала, что не может придумать ни одной нормальной причины, чтобы остановить это вторжение.

– Но... зачем это тебе, Слава? – спросила она наконец. – Какой тебе интерес сидеть со взрослой тёткой и молчать?! Да и мне, уж прости за откровенность, твоя компания сейчас совсем не в кайф. Если честно, я хотела бы побыть одна.

– Ну, во-первых, ты никакая не тётка! – горячо запротестовал он. – И, во-вторых, мне в твоей компании всё интересно. Даже молчать.

– Да что с тобой? – возмутилась Вера. – Я тебе русским языком говорю, что ты сейчас не вовремя и не к месту, но...

– Я люблю тебя, Вера! – выпалил он решительно, одним махом, как будто сиганул с моста в воду.

Вера замерла. Ну вот и сказаны те самые слова, о которых её предупреждала Славкина мама. Что же теперь делать? Как себя правильно вести? Как выкручиваться? Славка стоял напротив и взволнованно дышал, ожидая, что она ему ответит.

– Нет, не любишь, – помолчав немного, с деланным спокойствием возразила Вера. – Тебе незнаком настоящий смысл этого слова. То, что ты чувствуешь ко мне, называется иначе. Влечение, влюблённость... страсть, быть может. Но это не любовь. Это пройдёт.

– Но я не хочу, чтобы это проходило! – закричал Славка ломким петушиным голосом. В кино в подобных ситуациях уверенные в себе властные герои обычно рывком притягивали к себе строптивую героиню и впивались в её губы жадным поцелуем, после чего все слова становились излишними. Он неловко попытался повторить этот трюк, но Вера моментально увернулась.

– Ну-ка, прекрати, засранец! – прикрикнула она на него, забыв о том, что нужно беречь голос. Как будто нашкодившего кота шуганула... Это было до того унизительно, что Славкины уши словно ошпарило кипятком.

– Я люблю твоего папу, понял? – продолжала отчитывать его Вера. – И чтобы больше я никогда не слышала от тебя ничего подобного. Оставь при себе все свои глупые фантазии и поползновения. Знать ничего об этом не хочу!

Славка ссутулился, втянул голову в плечи, словно ожидая, что Вера сейчас его ударит. Она поймала себя на том, что против воли начинает сочувствовать ему, однако сурового тона не изменила.

– Не беспокойся, отцу твоему я ничего не скажу. Но вовсе не потому, что тебя пожалела. Просто не хочу его расстраивать. Он не заслуживает такого неблагодарного сына, как ты. Убейся немедленно!

Пришибленный, жалкий, вконец уничтоженный Славка моментально исторгся из квартиры. А у Веры, закрывшей за ним дверь, потом ещё долго тряслись колени.

Нет, Славка не оставил её в полном покое после этого, однако попыток встретиться наедине больше не предпринимал, и на том спасибо. Время от времени он писал Вере в ватсап и ныл, как сильно любит и как страдает без неё. Это было досадно, утомительно, но в целом терпимо. Иногда Веру подмывало рассказать всё мужу, но всякий раз она решительно себя останавливала. Что-то подсказывало ей, что подобный удар Роману будет пережить очень и очень непросто. Он обожал сына без памяти, безумно любил Веру... Каково ему придётся, когда он поймёт, что оказался между двух огней?

В свой последний школьный год Славка немного поутих. Вероятно, и в самом деле был озабочен предстоящими экзаменами и поступлением в институт. Роман оплачивал ему всех необходимых репетиторов и очень волновался за будущее своего мальчика, переживая за результаты ЕГЭ. Ему хотелось, чтобы сын получил достойное образование.

И вот – наша песня хороша, начинай сначала, с досадой подумала Вера. «Хочу приехать в аэропорт...» Какая вожжа ему опять под хвост попала?

– Жаль, что ты не вернёшься до Славкиного выпускного, – посетовал тем временем Роман. Вера даже вздрогнула, будто он прочитал её мысли.

– Ну вот ещё... чего тут жалеть-то? Я бы всё равно туда не пошла, – отозвалась она, осторожно подбирая слова. – На выпускном должны присутствовать родители, а я Славке, по сути, никто. Не думаю, что это было бы уместно.

– Мне казалось, вы с ним хорошо ладите, – заметил Роман. – Уверен, он был бы рад тебя видеть.

– А о Катерине ты забыл? – напомнила ему Вера. – Ей такой расклад явно не понравится. Нет уж... Вы мама-папа – вот сами и отдувайтесь! – закончила она будто бы шутливым тоном, но на самом деле крайне напряжённая.

– Да, ты права, – нехотя признал Роман. – Про Катю я как-то не подумал. Да и потом... только лишнее внимание к тебе привлекать. Понабегут все за автографами и селфи... и в самом деле, глупая идея, – рассмеялся он.

– Угу, – рассеянно отозвалась Вера, набирая ответ для Славки.

«Не надо приезжать в аэропорт! Меня твой папа провозжает».

«Пожалуйста. Он меня даже не заметит. Я просто издали на тебя посмотрю...»

«Я сказала – НЕТ!!!!!!!!!!»

– С кем ты там? – мимоходом спросил Роман, увидев, что жена залипла в телефоне.

– А?.. С режиссёром, – моментально соврала Вера. Господи, как же стыдно, что приходится обманывать мужа по такому ничтожному, не стоящему и глупому поводу... Из-за сбрендившего зарвавшегося мальчишки, которому первая любовь напрочь отшибла мозги!

– Съёмки ещё даже не начались, а он тебе уже покоя не даёт, – беззлобно проворчал Роман.

– Ну, это же моя первая роль в кино, – уклончиво отозвалась Вера. – Наверное, волнуется, справлюсь ли я с поставленной задачей...

– Ты – и вдруг не справишься? – засмеявшись, муж притянул её к себе. – Самый отчаянный и храбрый боец на свете? Какая-то плёвая роль какой-то цыганки... для тебя это – тьфу! Как семечки.

– На самом деле, я не столько режиссёра боюсь, – призналась Вера. – Меня больше работа с Белецким пугает. Во время совместных кинопроб показалось, что он жутко высокомерный и самовлюблённый тип... Наверное, недоумеает, с какой такой стати роль досталась неопытной актрисе.

– Пусть только попробует на тебя косо взглянуть или сказать хоть слово против, будет иметь дело со мной! – шутливо пригрозил Роман. – Про Белецкого, кстати, пишут, что он ни одной юбки не пропускает. Практически со всеми своими партнёршами по съёмочной площадке он завязывал интрижки, – взгляд его добрых светло-карих глаз затуманился тревогой.

– Ну, не станет же он меня насиловать! – рассмеялась Вера. – Интрижки – это обычно добровольное желание обеих сторон, так что со мной у него никаких шансов! Да и вообще, он не в моём вкусе. Мне не нравятся такие идеальные красавчики, с которых хоть картины пиши. Гораздо больше мне по душе такие нескладные увальни, как ты! – она засмеялась.

– Это я-то увальень? – Роман сделал вид, что оскорбился. – Клевета! Я страсть какой ловкий!

– Ты мой плюшевый мишка, – Вера звонко чмокнула его в нос. – Один-единственный, любимый и незаменимый!

– Точно-точно? – Роман сурово насупил брови.

– Точно-точно, – Вера снова закрепила свои слова успокаивающим и нежным поцелуем – на этот раз в губы. Он же изо всех сил пытался расслабиться, чтобы усыпить в себе остатки проклятой ревности, которая постоянно его изводила.

Роман с Верой были вместе три года – три бесконечно длинных, мучительно счастливых, потрясающих года. Но ни один день не обходился без того, чтобы его не терзали страхи. Роману постоянно казалось, что Вера опомнится, взглянет на него по-новому, удивится: да что я делаю рядом с этим ничтожеством? У него не было ни внешности голливудского красавчика, ни славы, ни головокружительной карьеры. Обычный крепкий середнячок по всем параметрам. Таких, как он – двенадцать на дюжину.

А Вера... Уж кем-кем, а рядовой женщиной назвать её не посмел бы никто. И не только потому, что она была известной певицей. Его жена сама по себе была яркой, экзотической, райской птичкой – настоящей жар-птицей. Она превращала серые будни в радугу, делала из повседневной жизни праздник.

Вера нравилась очень многим. Само собой, ей постоянно писали и звонили поклонники, подкарауливали её возле театра у служебного входа, иногда даже тусовались возле дома, пронохав, где она живёт. Это Роман ещё мог как-то понять и принять, хотя и беспокоился, если

жена поздно возвращалась домой – мало ли, что в голове у этих чокнутых фанатов, среди них и маньяки встречаются.

Но больше всего он напрягался, когда знаки внимания Вере оказывали коллеги или знакомые из шоу-бизнеса. Вот здесь действительно было очень много серьёзных соперников... Иногда выбираясь с женой на какое-нибудь великосветское мероприятие (чего, признаться, в глубине души терпеть не мог и соглашался только из-за упрасиваний Веры), он чувствовал чужие похотливые и оценивающие взгляды сильных мира сего, устремлённые на Веру. На его Веру...

А теперь вот эти съёмки на краю света. В компании с неотразимым Белецким... Ну, положим, он действительно не в её вкусе. Но если она – в его? Чушь, осадил себя Роман. В самом деле, не изнасилует же он её в случае отказа! А вот он сам, похоже, становился старым ревнивым параноиком-брюзгой.

В Архангельск прилетели уже ночью.

Пообщаться с артистами Асе так и не удалось: в московском аэропорту царили суета и толкучка, вызванные чемпионатом мира по футболу – в столицу непрерывным потоком прибывали зрители и болельщики со всего света. В самолёте же Ася оказалась далеко от Белецкого и Мендес: они расположились в салоне бизнес-класса вместе с другими членами съёмочной группы, негласно относящимися к «элите»: режиссёром, главным оператором, продюсером и сценаристом. Простые смертные, включая Асю, летели эконом-классом.

А после получения багажа их группу и вовсе разделили: всё та же элита вместе со съёмочным инвентарём и костюмами отправилась к месту назначения на вертолёте, поскольку самолётное сообщение не было в этих краях ежедневным, а остальных радушно пригласили в автобус: почти четыреста километров по дороге через тайгу, получите – распишитесь!

– Да не бойтесь, – улыбнулся молоденький водитель, – места здесь безопасные, спокойные, наезженные... к тому же – белые ночи.

Белая ночь на поверку оказалась не такой уж и «белой» и походила на сумерки, недостаточно, однако, тёмные, чтобы на небе можно было увидеть звёзды.

Ася устроилась на мягком кожаном сиденье, откинув его спинку до предела, чтобы дать отдых ноющему позвоночнику и занемевшей шее. Она вытянула, насколько это было возможно, ноги, которые уже давно гудели от усталости (в самолёте из-за маленького расстояния между креслами пришлось сидеть с полусогнутыми коленями), и блаженно закрыла глаза. Нет, что ни говори, а бодрствовать всю ночь напролёт, когда тебе чуть за двадцать – это одно, а после того, как разменяешь четвёртый десяток – совсем другое. Она была совой, как и большинство творческих людей, но выдержать до утра без сна больше не представляла возможным. Да и не могла она теперь позволить себе такой роскоши – вовсе не спать, поскольку, увы, всё это немедленно отражалось на лице, и затем требовалось приложить немало усилий, чтобы восстановить порушенную бессонницей красоту.

К счастью, свободных мест в автобусе оставалось предостаточно, и рядом с Асей никто не сел. Она не желала сейчас ни с кем общаться, медленно, но неуклонно уплывая в сон. В салоне было прохладно, но, едва они тронулись, водитель сразу же включил обогрев. Под убаюкивающий равномерный шум двигателя Ася бессознательно думала о Димке. Она так привыкла засыпать на его плече – четыре года, каждую ночь... За исключением его кратковременных отлучек на соревнования или её небольших командировок. Но так надолго они расстались впервые.

«Может, оно и к лучшему, – решила Ася. – Надо потихоньку отвыкать друг от друга».

Димка ещё не был в курсе, что она решила порвать с ним после своего возвращения со съёмок. И хотя решение далось ей ох как болезненно, иного выхода для них обоих Ася не видела. Она не желала принимать жертвы с его стороны, не хотела становиться обузой и –

не дай бог – выслушивать от него спустя годы упрёки в бесплодии. О, конечно, Димка уверял, что любит её вне зависимости от способности иметь детей, но она знала, что это до поры, до времени. Мужчины тоже могут завидовать чужим коляскам. И счастливым папашам, подбрасывающим вверх заливающихся смехом беззубых младенчиков. И молодым отцам, гордо вышагивающим с эрго-рюкзаком на широкой груди...

Она уже уходила от него однажды, много лет назад. Им обоим тогда было по шестнадцать – первая любовь, первый поцелуй... до постели, правда, дело так и не дошло. Димка продолжал любить Асю без памяти, а вот она охладела к нему, остыла за два года отношений. Сейчас-то Ася понимала, что это было очередным капризом взбалмошной сумасбродной красотки: не нужно было искать добра от добра, следовало вцепиться в Димку руками и ногами, а не болтаться по жизни, как сухой листок на ветру – от одного мужчины к другому... Быть может, осталась она с ним тогда, её жизнь сложилась бы иначе. Куда счастливее, чем сейчас.

Любила ли она его по-настоящему – хотя бы теперь? Ася старательно избегала размышлений на эту тему, хотя Димке на подобный вопрос, конечно же, отвечала бодро и утвердительно. Она испытывала к нему бесконечную благодарность, нежность, тепло... но никаких бабочек в животе и прочих романтических глупостей, потому что Димка был для неё понятен и прост, как прочитанная, хоть и интересная, книга. С ним было надёжно – это она знала точно. Более преданного ей человека в этом мире, пожалуй, невозможно было найти.

Именно Димка спас её, когда она пыталась покончить с собой и наглоталась таблеток, закрывшись в пустой квартире – переживала кризис в отношениях со Стасом и подсознательно догадывалась, что их брак обречён. Димка, почуяв неладное, выбил дверной замок, промыл ей желудок, как сумел, и вызвал скорую.

И вот сейчас, после всего, что он для неё сделал, Ася снова хочет его бросить. Но теперь осуществить это будет гораздо сложнее. Они уже стали единым целым – «сроднясь в земле, сплетясь ветвями»... * Значит, придётся рубить по живому, чтобы кровища хлестала... Ничего, они справятся. Привыкнут. Научатся дышать друг без друга.

**Сроднясь в земле, сплетясь ветвями – строки из стихотворения «Баллада о прокурённом вагоне» Александра Барковского*

Из беспокойно-усталого сна её вырвало довольно бесцеремонное похлопывание по плечу. С трудом разлепив тяжёлые веки, Ася увидела над собой круглое лицо, подобное полной луне. Над ним, словно нимб, сияла идеально гладкая блестящая лысина.

– Что? – хриплым спросонья голосом спросила Ася, – приехали уже?

– Остановка, – пояснил луноликий, с любопытством рассматривая её. – Покушать, чаю попить, туалет, то-сё... А вы кто у нас будете? – поинтересовался он. – Актриса?

– Ага, – зевнула Ася, с трудом сдерживаясь, чтобы не начать потягиваться и разминать затёкшие суставы. – Артистка больших и малых академических...

Собеседник, кажется, не понял, что она шутит, тут же радостно представившись в ответ:

– А я – Миша Яковлев.

– Анастасия Безрукова, можно просто Ася, – откликнулась она.

«Мише», навскидку, было не менее пятидесяти пяти лет.

– Я администратор по локациям, – отрекомендовался он дополнительно. Ася невольно хмыкнула.

– Ах, так вот кто нас затащил в эту чудную локацию у чёрта на куличках!

Тот снова не понял её иронии и с воодушевлением подтвердил:

– Места – загляденье. Был бы я художником... Пока ехали, не мог глаз от дороги отвести... Однако, – спохватился Миша, – вы бы поторопились. Стоянка не такая уж долгая, нужно успеть подкрепиться и... хм... облегчиться.

– Да, сейчас иду, – кивнула Ася, вынимая из сумки зеркальце и расчёску, чтобы хоть наскоро привести волосы в порядок. Следить за собой, всегда отлично и ухоженно выглядеть было для неё так же привычно, как чистить зубы дважды в день. Никто и никогда не видел Асю с немойтой головой, растрёпанную, с синяками под глазами, с небрежно нанесённым макияжем или с облезшим лаком на ногтях.

Выскочив из автобуса, она почувствовала, что снаружи стоит страшный дубак. По ощущениям, было не выше пяти градусов тепла. Ася, одетая в лёгкую рубашку с джинсами, тут же застучала зубами. Димка, конечно, оказался прав – без тёплых вещей в этих краях не обойтись, даром что начало лета. Ася внезапно вспомнила, что так и не позвонила ему, когда прилетела в Архангельск, даже телефон забыла включить. А он, наверное, волнуется, не спит, нервничает и накручивает себя... Интересно, который час?..

Достав мобильный, она вернула его к жизни. Время – половина шестого утра. Господи, да Димка же всю ночь, наверное, глаз не сомкнул... Ася почувствовала себя настоящей свиньей. Впрочем, при попытке набрать его номер она потерпела фиаско – сеть здесь практически не ловила.

Заметив её манипуляции с телефоном, отирающийся на крылечке местного заведения общепита Миша Яковлев замахал пухлыми ручками:

– Ася, сюда! Вы внутрь зайдите, там сигнал получше.

Заведение именовалось «Столовой у Алевтины» и представляло собой небольшой деревянный домик с бонусом в виде уличного туалета. Судя по объявлению на двери, работала столовая круглосуточно – очевидно, есть спрос даже в этой глухомани, подумала Ася с нескрываемым удивлением. Впрочем, если это единственная кафешка на весь отрезок пути, то почему бы и нет... Этакий привалочный пункт для всех страждущих.

«Всегда ждём вас у нас! Заезжайте к нам – мы рады вам!» – гласило то же объявление. Владельцы кафе – прямо-таки боги рекламных слоганов, усмехнулась Ася. Поэты!

Внутри оказалось неожиданно уютно и, самое главное, тепло – в столовой топились самая настоящая русская печь, а чай пили из старинного самовара. Ася, вообще-то не привыкшая завтракать в такую рань, невольно почувствовала, как засосало в желудке от одуряющего запаха свежеиспечённой сдобы – кажется, пирогов или ватрушек.

Алевтиной, как выяснилось, звали хозяйку столовой, одновременно исполняющую обязанности официантки. Это была энергичная женщина возраста «ягодка опять», почему-то одетая в спортивный костюм, но при этом с кокетливо закрученными локонами и в огромных цветных клипсах-кольцах. Кто работал на кухне, выяснить так и не удалось, но Алевтина время от времени громко и отрывисто выкрикивала заказы в ту сторону, а через некоторое время ей так же отрывисто отвечали, и она, позвякивая клипсами, стремительно неслась туда с подносом, чтобы забрать готовое блюдо.

Чай из самовара нужно было наливать самим, и пить его можно было без ограничений, совершенно бесплатно.

Ася присела за один из столиков, грея руки о стакан, и исподтишка стала изучать своих спутников. Наконец-то ей представилась такая возможность!

Сразу же приковывала к себе взгляд молоденькая молдавская актриса Аурика Цуркану. Ей едва исполнилось двадцать три, и это была её первая большая роль. Ася ознакомилась с её биографией в интернете ещё до отъезда: раньше Аурика мелькала лишь в незначительных эпизодах или рекламных роликах, так что роль юной цыганочки Лалы стала для неё настоящим подарком судьбы. Ася даже нашла её в инстаграм и бегло изучила: похоже, самолюбование этой

девочки не было видно границ. Селфи, селфи, бесконечные селфи, а также каждый шаг собственной жизни, дотошно зафиксированный на фото. Вот я смотрю на вас, дорогие подписчики, склонив голову влево... а вот – вправо... Складываю губы куриной гузкой, хмурюсь, улыбаюсь, завтракаю, обедаю, ужинаю и фотографируюсь затем в туалете модного ресторана перед зеркалом... А это мой маникюр, и педикюр, и любимые туфли, и сумочка, а зацените-ка мой новый лук на кастинге...

«Боже, какая скучища», – помнится, подумала тогда Ася. Впрочем, подписчиков Аурики в инстаграме это однообразие не смущало. Они щедро одаривали её лайками и расточали комплименты: «Вы просто красотка!» «Невероятная!» «Супер!» «Вы лучше всех!» «Я вас люблю!» Во всяком случае, фанатскую базу она себе уже наработала, не смогла не признать Ася, отдавая должное хватке юной актрисы.

Аурика была хорошенькой: нежное кукольное личико с дивно очерченными бровями, длиннющими чёрными ресницами и карими глазами, тоненькая, смуглая и пластичная – будто актриса старого индийского кино. Но самым главным достоинством её внешности по праву являлись волосы: блестящие, роскошные, они струились водопадом и почти достигали изящных щиколоток. Настоящая Рапунцель!

В данный момент Аурика сидела, поставив локти на стол и упираясь подбородком в сплетённые в замок пальцы. Вероятно, девушка скучала из-за отсутствия вай-фая. Взгляд её рассеянно блуждал по лицам присутствующих. На секунду глаза Аурики встретились с Асиными, но Ася тут же отвернулась, делая вид, что это просто случайность.

От её внимания не укрылось, что вокруг красотки увивается молодой артист Андрей Исаев. Ася напрягла память. Ах, да... студент Щепкинского театрального училища, до этого немного мелькал в сериалах, в «большом» кино снимается впервые. Симпатичный парень: тёмно-русые волосы, трогательная ямочка на щеке, ясные зелёные глаза – было в нём что-то по-детски наивное, некая чистота и неиспорченность... и в паре с Аурикой он смотрелся очень даже неплохо. В этом фильме ему досталась роль юнкера императорского военного училища Алёши Головина, который ради любви Лалы оставил свою прежнюю жизнь и захотел присоединиться к цыганскому табору. Судя по всему, особо играть, изображая влюблённость, ему не придётся – он и так очарован. Уж что-что, а мужской интерес Ася распознавала за версту, даже если он был обращён не в её сторону.

Вдруг её мобильник, который лежал на столе, завибрировал, словно оттаяв в тепле, и стал принимать одно входящее сообщение за другим. От Димки, конечно же, поняла Ася, схватив трепещущий телефон в руки. Он там, очевидно, в панике уже на стенку лезть готов... Разговаривать при всех Ася постеснялась, да и сигнал был всё ещё слишком слабым, поэтому она предпочла просто послать эсэмэс в ответ.

«Прости, проблемы со связью. Мы всё ещё в дороге, не пугайся, если снова окажусь вне зоны доступа. Очень устала и дико хочу спать. Позвоню, когда доберёмся до гостиницы и я немного отдохну. Люблю».

Подумав, она исправила «люблю» на «обнимаю» и отправила сообщение.

Вкусно и сытно позавтракав, группа вернулась обратно в автобус. Воздух в салоне уже снова успел остыть, и Ася в очередной раз пожалела, что все её тёплые вещи остались в чемодане, лезть в который прямо сейчас было не с руки. Водитель в этот раз почему-то не стал включать обогрев – очевидно, решил, что пассажиры и так «надышат» достаточное количество тепла.

Обхватив себя за плечи руками, Ася безуспешно пыталась согреться. «Чёрт, – подумала она в сердцах, – да в здешних краях не то, что куртка – даже пуховик, должно быть, является неотъемлемой частью летнего гардероба!»

– Замёрзли, Ася? – рядом с ней опять возникла лунная физиономия админа по локациям. Следит он за ней, что ли, этот лысый надоедливый гиппопотам?! Что за навязчивость... Ася ещё не успела придумать достаточно резкого ответа, который ясно дал бы понять, что она не расположена нынче к светским разговорам, как Миша уже радушно протянул ей термос. О, господи...

– Кофе, – пояснил он. – Горячий, чёрный, с лимоном и сахаром.

Ася немного смягчилась.

– Ого! Впервые вижу человека, который тоже любит кофе с лимоном, – заметила она.

– Жена приготовила, – похвастался Миша. – С самой Москвы везу. Я думал, за это время всё уже остыло – ан нет. Угощайтесь!

Ася не стала больше кочевряжиться и с удовольствием отвинтила крышку термоса. Оттуда разлился божественный аромат. Миша уже галантно подставил ей пластмассовый стаканчик. Всё-то у него было продумано, всё приготовлено...

Позже, когда начались съёмки, Ася ещё раз убедилась в том, какой Яковлев целеустремлённый, активный и невероятно настойчивый человек. Он пробивал для группы разрешение на съёмки даже в самых опасных или заповедных зонах, куда обычных людей и на пушечный выстрел не подпускали. Такие качества его натуры, как способность мгновенно предотвратить любую заминку и разрулить неожиданно возникшую проблему, Ася поначалу ошибочно приняла за назойливость, но чуть погодя признала, что была к Мише ужасно несправедлива.

Впрочем, заблуждалась Ася по поводу каждого из членов съёмочной группы. Практически все её первые впечатления оказались обманчивы...

Напиток был превосходным. В меру крепким, в меру сладким и в меру кисловатым. Ася быстро согрелась и повеселела. Спать ей больше не хотелось, и оставшиеся часы пути она провела, с интересом глазев в окно.

Перед ними расступалась дорога изумительной красоты. Таёжный лес, ярко освещённый утренним солнцем, весело бежал за окнами автобуса. Ася пыталась фотографировать все эти роскошные пейзажи на ходу через стекло, но скоро у неё разрядилась батарея в телефоне. Впрочем, сеть в дороге всё равно не ловила, так что невелика была потеря.

На место они прибыли в десятом часу утра. Выяснилось, что разделение группы на «простых» и «элитных» продолжает действовать и тут. Небожителей во главе с режиссёром заселили в частный гостевой домик на шесть номеров с отдельными душевыми. В доме имелись бассейн с сауной, вай-фай, а также общая кухня с печью, электрочайником, холодильником и микроволновкой. В общем, условия практически царские!

Владельцы гостевого дома – пожилая семейная пара – встретили киношников, как родных. Хозяйка самолично подала им горячий завтрак, и что это была за еда! Домашний сыр с ароматными травами, тающий во рту, и свежий хлеб, и воздушный омлет из местных яиц, и жирное молоко, и нежнейшее сливочное масло от частников...

Остальные члены съёмочной группы, включая Асю, поселились чуть поодаль – в гостинице имени Ленина.

Уже от одного названия веяло пережитками советского прошлого. Условия проживания и впрямь оказались не слишком-то комфортными, если не сказать спартанскими, как в запущенном студенческом общежитии. Туалет и душ – общие на весь этаж. Даже входить туда было неприятно, а уж использовать по назначению противно вдвойне. Асе повезло – в её номере имелся хотя бы персональный умывальник, но вода из него текла только холодная, с довольно неприятным резким запахом. Сам номер был унылым и насквозь выстуженным, как морозильная камера.

Ася слышала через дверь, как в коридоре, бегая туда-сюда и цокая каблучками, громко возмущается Аурика.

– Это безобразие! – негодовала она. – Условия хуже тюремных! Да за кого они нас принимают, вообще? В туалете воняет, в душе тараканы бегают! Я отказываюсь жить и работать в таких условиях, пусть немедленно переселяют нас всех в какое-нибудь более приличное место!

Как выяснилось позже, эта гостиница оказалась единственной на всю деревню. Выбирать, к сожалению, было просто не из чего... если не считать того гостевого домика, но он тоже являлся единственным в своём роде. Туда селили только редких ВИП-гостей, включая губернатора и даже президента. Разместить всю многочисленную съёмочную группу в шести номерах не представлялось возможным чисто физически. Глупо было бы жаловаться – да и кому? Не станут же ради столичных киношников (которых, кстати, никто сюда и не звал – сами нагрянули) оперативно возводить новое здание...

Разумеется, в то самое утро, впервые оказавшись в своём неудобном номере, Ася ещё не знала всех этих подробностей. Но она так устала, что решила подумать об этом позже. Общий сбор группы был назначен на вечер – их должны были везти ужинать в ресторан. «Надеюсь, что хотя бы рестораны здесь приличные...» – мимоходом подумала Ася, торопливо открывая чемодан. Достав тёплые вещи, она натянула шерстяные носки и два свитера одновременно – один на другой, а затем рухнула в ледяную постель и, несмотря на небольшой озноб, мгновенно провалилась в сон, как в глубокий обморок.

Неля уже заканчивала готовить завтрак, когда услышала доносившийся со двора шум. Это вернулись с конной прогулки её мужчины.

Стас с детства был страстным обожателем лошадей и мог провести в седле сутки напролёт. Каждый год он участвовал в традиционных зимних соревнованиях конников на снежном ипподроме. В скачках состязались лошади исключительно местной породы – мезенки, выращенные в суровых северных условиях. Это было захватывающее и безумно красивое зрелище, на которое приезжал полюбоваться даже сам губернатор.

Немудрено, что сын Нели и Стаса – Матвей – начал ездить верхом (в компании родителей, разумеется) месяцев с шести, едва научившись сидеть. К самостоятельной езде Стас планировал приучать мальчишку с трёх лет. Но и в свои нынешние два года Матвей по праву считался настоящим специалистом по лошадям. Малыш каждый день ходил с отцом в конный клуб, наравне со взрослыми помогал ухаживать за животными, угощал их заранее припасёнными яблочком или морковкой и счастливо смеялся, когда благодарная лошадь тыкалась мягкими тёплыми губами в его доверчиво подставленные ладошки.

Поначалу, конечно же, Неля волновалась, наблюдая, как два самых дорогих её сердцу человека гарцуют на конях, порою весьма норовистых. Она доверяла мужу и знала, что с ним Матвей в полной безопасности, но разве материнское сердце поддаётся доводам разума? Потом постепенно привыкла. Тем более, что одними лишь конными прогулками муж с сыном не ограничивались. Стас таскал Матвея с собой в тайгу, брал на рыбалку и катал на лодке... Ей просто пришлось смириться. Неле абсолютно не хотелось растить из Матвея изнеженного маменькиного сыночка. Он должен был стать настоящим мужчиной, как и его отец! Самостоятельным, сильным, независимым... тем более, с его-то особенностью, которую безжалостный внешний мир воспринимал исключительно как неполноценность.

Матвей был глухим от рождения.

Неля смутно чувствовала неладное с самых первых месяцев жизни сына. Младенец совершенно не реагировал на погремушку: вернее, он с интересом следил за ней глазами, тянулся ручками, но извлекаемые из игрушки звуки оставляли его равнодушно-невозмутимым. Правда, он поворачивал голову, если Неля стучала по кровати или матрасику, но она

уже много позже сообразила, что это была реакция не на сам звук, а всего лишь на вибрацию предметов.

Профилактического осмотра у врача-оториноларинголога в Мезени почему-то не было, и Нелька затем долго казнила себя за упущенное время. Ведь если бы глухоту у ребёнка выявили раньше, хотя бы в пять месяцев или полгода, слуховая реабилитация и развитие речи пошли бы куда легче и эффективнее.

Второй звонок прозвенел, когда Матвеем было около четырёх месяцев. Неля заметила, что сынишка совершенно прекратил лепетать и не издавал никаких посторонних звуков, кроме плача. Разумеется, тогда она ещё не знала, что глухие дети просто не слышат сами себя и процесс лепета, не доставляющий им никакого удовольствия, постепенно сходит на нет.

Неля не дождалась от Матвея ни агуканья, ни гуления, ни повторения за ней простейших слогов «ба-ба-ба», «ма-ма-ма», «да-да-да»... В год он по-прежнему упорно молчал, и Неля убедила мужа, только посмеивающегося всё это время над её страхами («Да ладно тебе! Нормальный пацан растёт, не трепло!»), что им необходимо поехать в Москву и обследоваться у специалистов.

Как ни готовила себя Неля к худшему, как ни настраивалась на любой ответ, но всё-таки диагноз «нейросенсорная тугоухость» (третья степень на левое ушко, четвёртая – на правое), озвученный столичным светилом, прозвучал для неё как приговор.

– Ну, не расстраивайтесь вы уж так, – по-свойски подбодрил Нелю доктор, заметив, как она побледнела, и решив обойтись без заумных медицинских терминов, заменив их простыми человеческими словами утешения. – Да, это неприятно, но не смертельно. Во всех других отношениях у вас прекрасный, абсолютно развитый мальчик! Неслышащие дети абсолютно так же любят бегать, прыгать, играть и шалить, как все остальные их сверстники. Они обожают лепить, рисовать, строить из конструктора...

– Но... говорить! Он сможет разговаривать? – выдохнула Неля, вперив в него умоляющие глаза, словно он, как господь бог, одним-единственным словом мог решить судьбу её сына. Матвей тем временем сидел на материнских коленях и, не подозревая о бушующей в Нелином сердце буре, весело играл с шёлковым шарфиком на её шее.

– Я, в принципе, не вижу к этому никаких противопоказаний, – осторожно подбирая слова, отозвался врач. – Но успех во многом зависит и от вас. От вашего желания и целеустремлённости.

– Что надо делать? – спросила Неля, тут же внутренне собравшись. Голос её был абсолютно спокойным. Надо будет – она для своего мальчика и живую, и мёртвую воду достанет. Пойдёт туда – не знаю куда, принесёт то – не знаю что... И почку продаст. И даже душу дьяволу...

– Во-первых, вам нужны слуховые аппараты для каждого уха. Изготавливаются они только специалистом, по индивидуальным меркам. Я черкну вам адресок... Если вы хотите, чтобы ваш сын заговорил, носить их придётся постоянно. Тогда у него потихоньку начнёт развиваться слуховое восприятие окружающего мира и устная речь. Учтите, что не все дети с охотой соглашаются носить аппараты, поначалу это доставляет им определённый дискомфорт...

– Матвей будет их носить, – твёрдо пообещала Неля. – Что ещё придётся сделать?

– Хм... затем ребёнку потребуются ежедневные обучающие занятия. Чем раньше начнёте – тем успешнее будет проходить реабилитация. Можно пригласить специалистов на первое время, чтобы они контролировали процесс, но в целом, там нет ничего сложного и сверхъестественного, чего бы вы не смогли сделать сами, у себя дома. Тем более, существует огромное количество методичек, в которых весьма детально описывается вся эта система. Список литературы, конечно же, я вам тоже предоставляю.

– Ещё что? – Неля не отрывала от него взгляда.

Доктор мягко улыбнулся ей.

– Этого вполне достаточно, уверяю вас. Если вы не станете откладывать процесс в долгий ящик и начнёте следовать моим инструкциям прямо сегодня, сейчас – Матвея имеет все шансы заговорить, как обычный ребёнок с нормальным слухом. Ну, разве что акцент будет небольшой... чуть заметный. Но это не критично.

К слуховым аппаратам Матвей привык довольно быстро (хотя и взбрыкивал периодически, отбивался, отказываясь носить их круглые сутки), а вот практические занятия не принесли никаких сколь-либо заметных результатов. К двум годам мальчик так и не говорил. Даже элементарные слова-звукоподражатели (би-би, ав-ав, мяу) были ему не по силам. Неля часами проводила с ним обучение в игровой форме: показывала сыну машинки, кубики, зверюшек и кукол, подносила каждую игрушку поочерёдно к губам на уровень подбородка и, чётко артикулируя, повторяла:

– Ляля! Му-му! Ко-ко-ко!

Матвей внимательно смотрел на её губы, вслушивался – и молчал.

Сколько литературы Неля перечитала за этот год! Сколько сайтов и тематических форумов в интернете перелопатила! Больше всего её потряс тот факт, что дети с проблемами слуха, как выяснилось, часто рождаются у алкоголиков или людей с различными венерическими заболеваниями. Они со Стасом не относились ни к первой, ни ко второй группе, так за что же, за что такая жуткая несправедливость обрушилась именно на их ребёнка? На их долгожданного первенца, такого бесконечно любимого, обожаемого и дорогого?!

До тех пор, пока это ещё можно было как-то утаить от окружающих, Неля старалась не афишировать глухоту своего сына. Даже если Матвей носил слуховые аппараты, они были надёжно скрыты от посторонних глаз под шапочкой и его буйными рыжими кудряшками. Стас убеждал жену, что это глупо: рано или поздно тайное станет явным. К чему делать из проблемы их ребёнка такой страшный секрет, точно это какая-то постыдная болезнь? Но Неля пока что была не готова делиться с миром своим несчастьем.

В Мезени их семью любили. Стаса – потому что он родился и вырос здесь, на глазах у местных старожилов, да к тому же прославил их город: шутка ли, знаменитый на весь мир фокусник! Нелю тоже привечали с охотой – потому что она была интеллигентной, воспитанной и доброй девушкой. Её сразу приняли за свою, хотя обычно мезенцы довольно настороженно относились к чужакам, тем более московским. Но Неля вовсе не походила на тех вульгарных и развязных столичных штучек, которых показывали в сериалах и шоу на Первом канале. Тем более, и работа у неё была приличная, достойная – она поступила в местную школу учительницей английского, и дети искренне её любили.

Неля была удивительно славной и солнечной, какой-то лучистой: огненно-рыжая, голубоглазая, с милыми трогательными веснушками... Те люди, которые не были знакомы с ней до замужества, несказанно удивились бы, узнав, что всю сознательную жизнь, с самого детства, Неля страдала от многочисленных комплексов относительно своей, как ей казалось, совершенно уродливой внешности. Особенно на фоне такой яркой и красивой подруги, как Ася.

Встретив Стаса, Неля буквально расцвела. Она научилась не просто принимать, но и любить себя такой, какая она есть – все её недостатки превратились в достоинства, потому что Стас беспрерывно повторял ей, какая она красавица. Он буквально надышаться на неё не мог, и местные с одобрением говорили, что на их пару любо-дорого глядеть, семья на зависть!

В конце концов, правда о Матвее выплыла-таки наружу. Соседка как-то высказала Неле в сердцах: дескать, что же твой малой такой невоспитанный, вообще не слушает того, что ему говорят, смотри, мол, не балуй – вырастишь хулигана!

– Он не «не слушает», – тихо поправила Неля. – Он просто не слышит.

Подхватив сынишку на руки, она торопливо отвернулась от оторопевшей соседки и зашагала по направлению к дому, глотая непрошенные слёзы.

Что знает один – знает весь город. Особенно, если этот город такой маленький, как Мезень. И вот тут Неле пришлось призвать на помощь всю свою выдержку. Это оказалось нелёгким делом...

Мезенцы в целом были отзывчивыми и добрыми людьми, но порою слишком уж простецки-бесцеремонными. Чувство такта, личные границы? Как говорится – не, не слышали. Все знакомые и полужнакомые теперь считали своим долгом выразить глубокое сочувствие их семье, при встречах смотрели на мальчика скорбно, как на похоронах, либо принимались по-идиотски орать ему прямо в лицо:

– Матвей!!! Привет!!! – думая, что простое повышение громкости голоса моментально решит проблему даже самой безнадёжной глухоты.

А иные и вовсе подкрадывались к Матвею сзади и резко кричали что-то за его спиной, чтобы убедиться, что он действительно ничего не слышит. Иногда малыш чувствовал движение и оборачивался – и тогда все эти простодушные до наглости люди на полном серьёзе принимались доказывать Неле, что её ребёнок не глухой, а просто притворяется.

Многие на голубом глазу спрашивали, не планируют ли Неля со Стасом отдать сына в детский дом или в какой-нибудь специальный интернат для слабоумных. А ещё дружелюбно советовали:

– Давай поскорее рожай второго, здорового – чай, не девочка уже, потом можешь не успеть, или опять какой больной получится...

Своими словами они, сами того не желая, постоянно «отбраковывали» Матвея, как второй сорт, всячески давая понять, что Неле со Стасом нужен ещё и *нормальный* ребёнок – взамен уже имеющегося, неполноценного. Слышать это было невыносимо...

Неле только-только исполнилось тридцать шесть. Матвея она родила в неполные тридцать четыре года. Конечно, слегка поздновато для первенца, но не настолько же, чтобы взять на себя ответственность за его недуг – мол, чего ещё можно ожидать от старородящей... И всё же чувство вины и страха снова забеременеть (второй такой драмы в своей жизни Неля бы точно не вынесла) не отпускали её ни на минуту. Она вообще сомневалась, что когда-нибудь снова захочет рожать.

Хоть московский врач и пытался убедить Нелю, что глухие дети – самые обычные и по поведению практически ничем не отличаются от сверстников, она с горечью понимала, что её малыш постепенно становится в детском обществе изгоем. Ему просто не с кем было играть.

Родители слышащих ребятишек не поощряли общения с глухим мальчиком, точно боялись, что его болезнь каким-то образом перекинется и на их чад. К тому же, к двум годам все дети уже говорили простыми предложениями или хотя бы отдельными словами. Матвей же издавал резкие возгласы или нечленораздельные звуки, но чаще всего пользовался жестами и совершенно не понимал обращённых к нему фраз даже со слуховыми аппаратами, потому что просто не умел распознавать речь.

Неля уговаривала себя не раздражаться и не расстраиваться, а ночью ревела навзрыд на груди у мужа. Можно было плакать, не боясь разбудить малыша – он всё равно ничего не слышал...

Стас целовал её залитое слезами лицо и горячо убеждал:

– Нелечка, он не неполноценный. Он у нас – просто ребёнок с особенностями. Да, ему будет значительно труднее познавать этот мир, но он сделает это. Я верю, что он научится говорить. Он будет ходить в обычную школу, и у него будет интересная насыщенная жизнь.

Немного успокоившись в его объятиях, Неля засыпала, всхлипывая, чтобы хотя бы во сне ненадолго забыть о той тяжести, которая лежит на её материнских плечах. А утром эта тяжесть наваливалась и придавливала её с новой силой...

Но время лечит. Конечно же, лечит. Постепенно Неля примирилась с действительностью и научилась жить с этим грузом. Нельзя сказать, что болеть перестало совсем, но на смену отчаянной надежде пришли равнодушие и апатия. Ежедневные занятия с сыном Неля продолжала больше по инерции, по привычке, потому что всегда была примерной девочкой и перфекционисткой. В успех она больше не верила и запретила себе ждать чуда. Того дня, когда Матвей скажет ей короткое, простое, но такое важное и главное слово – «мама»...

В жизнь постепенно возвращались краски, запахи и вкусы. Приняв как данность глухоту своего ребёнка, Неля решила, что не вправе лишать его нормального, счастливого детства, и старалась расцветить даже обычные будни. Улыбка на лице малыша и его объятия были самой дорогой наградой... Лишь изредка у Нели горько ёкало в груди – когда она смотрела на здоровых ровесников Матвея. Она никогда не сможет стать своей в компании гордых мам и бабушек, которые со смехом пересказывают друг другу уморительные словечки и выражения своих детишек...

– А моя-то, моя!.. Спрашиваю у неё утром: как собачка лает? А она мне страшным голосом: «Ав-ав, я баба Яга!»

В целом, несмотря ни на что, Неле нравилась жизнь в Мезени. До свадьбы Стас боялся, что она заскучает тут после шумной и суетливой Москвы, но его опасения не оправдались: Неля, человек по характеру скорее замкнутый, чем общительный, чувствовала себя здесь просто прекрасно. Городок, практически отрезанный от мира, от «большой земли», как здесь говорили, казался уютным и славным пристанищем настоящего интроверта. Муж был Неле под стать: занятый придумыванием новых трюков и иллюзий, он мог разрабатывать свои новые проекты буквально день и ночь, не отвлекаясь даже на еду или сон. Он чертил схемы на листах бумаги, бормотал что-то себе под нос, сердясь или ликуя, в зависимости от успеха реализации идеи, дотошно переносил все эти наброски в компьютер... Неля старалась не мешать ему в такие моменты.

Она могла часами гулять вдоль красных берегов реки Мезени, бродить по заливным лугам, заходить в тайгу (не слишком, впрочем, в неё углубляясь, потому что всё ещё не очень хорошо ориентировалась в лесу) и наслаждаться блаженным одиночеством. Неля также выучилась ездить верхом, о чём давно мечтала. Правда, на это увлечение требовалось время, которого у неё часто не хватало. Много сил отнимала работа в школе, затем – декрет...

Помимо всего прочего, Неля стала посещать мезенский детский дом. Слово «волонтерство» она не любила, считая его слишком уж официозным. Она просто приходила к ребятам в гости, дарила им одежду, игрушки и книги, учила в игровой форме простым английским и французским песенкам. Откровенно говоря, состояние детского дома приводило её в натуральный ужас. Здание давно требовало капитального ремонта. Неля не представляла себе, как можно было жить – точнее, выживать – в подобных условиях. Стены, выкрашенные в грязно-зелёный цвет, местами облупились и производили давяще-неопрятное впечатление. В спальнях воспитанников всё было разрисовано граффити либо исписано похабщиной. Электропроводка находилась в таком плачевном состоянии, что вероятность пожара маячила вполне реальной, а не иллюзорной угрозой. В туалеты страшно было зайти...

Но самым кошмарным было даже не состояние детдома, а отдельные судьбы конкретных детей. Почти каждый из них пережил большую или маленькую трагедию, оставившую шрамик на сердце. Отец Николай и матушка Ольга из местного прихода, тоже частенько проводившие время в детском доме, рассказывали Неле истории этих несчастных ребятшек. Многих под-

вергались регулярным побоям в родном доме, пока их родителей не лишили прав. Одна шестилетняя девочка стала свидетельницей двойного убийства: сначала мать зарезала отца, а потом друзья отца жестоко прикончили мать... Неля не могла без содрогания выслушивать всю эту дичь. Хотелось обнять каждого ребёнка, прижать к сердцу, обогреть, бережно подуть на многочисленные душевные раны и залечить их все до единой...

А с отцом Николаем и его супругой Неля постепенно сдружилась, несмотря даже на то, что сама была совершенно невоцерковлённой. Да и сына они со Стасом решили не крестить – по крайней мере, до тех пор, пока он не достигнет сознательного возраста.

Неля часто приходила в гости к супружеской чете вместе с Матвеем. Это была крепкая, дружная и милая семья, воспитывающая четырёх славных ребятишек, которым с детства были привиты любовь к богу, храму и молитве. Матвея они все просто обожали, и он тоже тянулся к ним, чувствуя искреннюю симпатию. Только с ними Неля могла совершенно спокойно, не стесняясь и не комплексуя, разговаривать о глухоте своего сына. Отец Николай постоянно давал ей понять, что у неё – нормальный, замечательный, абсолютно полноценный ребёнок.

– Главное – то, что душа у него здоровая, – говорил он Неле. – Плоть дают родители, а душу Бог. Господь с человеком создают человека. Не впадай в уныние и не оплакивай свою печаль, знаешь ведь поговорку: где-то густо, где-то пусто... Может быть, у Матвея откроется какой-нибудь необыкновенный творческий талант. Да даже если не талант, а просто ясный ум, доброе сердце, чистые помыслы и физическая выносливость... это уже счастье, уверяю тебя. Люби его таким, какой он есть, и никогда не сравнивай с другими. У него свой собственный путь...

Детдомовских ребят – самых маленьких – матушка Ольга время от времени приводила к себе на выходные. Она читала им вслух Библию, а они с охотой помогали ей по хозяйству в кухне и во дворе, с удовольствием возясь со скотиной или птицей, а затем дружно ели испечённые матушкой пироги – конечно же, с рыбой, больше всего любимые всеми жителями мезенского края.

Возвращение мужа и сына отвлекло Нелю от невесёлых дум по поводу детского дома. Она торопливо поставила на стол тарелки и выбежала встречать своих лихих наездников.

От Стаса с Матвеем пахло лошадыми, опилками и свежей травой. Оба были довольными, разрумившимися и, очевидно, жутко проголодавшимися. Неля поцеловала солнечно-рыжую, как у неё самой, макушку сына, а затем прильнула к мужу и привычно замерла в его объятиях, словно заряжаясь от него энергией на весь предстоящий день.

– Мне переодеться нужно, – ласково сказал он, не предпринимая, однако, попыток отстраниться, – не то вся тоже пропахнешь конским потом.

– Мне нравится этот запах, – она потёрлась щекой о его щёку. Матвей требовательно подёргал её за рукав, а затем жестами указал на стол, давая понять, что проголодался.

– Сначала – в душ, – скомандовал Стас и кивнул в сторону ванной комнаты. – А потом уже завтрак.

Он общался с сыном совершенно обычно, как со здоровым ребёнком, ни на секунду не задумываясь о том, что даже если тот и слышит его благодаря слуховым аппаратам, то всё равно не понимает. Тем не менее, Матвей практически всегда соображал, что от него требуется. Неля иногда даже обижалась немного – она-то занималась с ребёнком по специальным методикам, по науке, по правилам... А Стас на все эти правила плевать хотел – и, тем не менее, находил с Матвеем общий язык куда легче, чем она.

Чистенький умытый Матвей выбежал из ванной и, подпрыгивая от нетерпения, устремился к накрытому столу. Ойкнув, Неля схватила полотенце и как следует высушила его

намокшие волосы: в доме было довольно свежо из-за постоянно распахнутых в летнее время окон, не хватало ещё простудиться...

– В Романовку киношники приехали, – крикнул Стас из ванной. – Надолго. Какой-то крупный проект затевается, вроде бы исторический фильм. Режиссёр – Семён Горевой, представляешь?

– Вы что, до самой Романовки ездили? – ахнула Неля, пропустив слова про кино и режиссёра мимо ушей. – Совсем с ума сошли...

– Зеваки со всех окрестных деревень собрались поглазеть, – продолжал Стас. – Хоть слишком близко к съёмочной площадке никого не подпускают. Но массовка, говорят, будет нужна. Там уже очередь из желающих выстроилась, все записываются наперебой! Вроде бы, в главной роли Белецкий.

До Нели, наконец, дошёл смысл его слов.

– Александр Белецкий? – переспросила она с благоговейным трепетом. – Тот самый?.. Не могу поверить, я его просто обожаю!

– Так, с этого места поподробнее, пожалуйста, – муж вышел из ванной. В глазах его плясали весёлые чёртики. – Кого это ты там обожаешь? И давно ли?

– С тех самых пор, как впервые побывала на его спектакле, – серьёзно отозвалась Неля. Она и не думала шутить. – Мы с мамой ходили на «Евгения Онегина» в драмтеатр на Малой Бронной, как сейчас помню. Белецкий... это просто невероятно, что он творит на сцене. От него такая мощная энергетика, что даже в последнем ряду сшибает наповал. Причём тогда он был ещё совсем молодым, хоть и подающим огромные надежды, но его имя пока не было так раскручено, как сейчас. И всё равно мы остались в полном восторге. Нет, реально... он потрясающий актёр.

Она не стала рассказывать о том, как однажды, учась на втором курсе пединститута, отправилась на спектакль Белецкого с букетом роз. Ей впервые захотелось преподнести цветы артисту, преодолевая проклятую стеснительность – она сама себе тогда удивилась. Уже на финальном поклоне, когда Неля встала со своего места и пробиралась поближе к сцене, чтобы вручить букет, у неё неожиданно подвернулась нога. Нет, девушка не упала, но была близка к этому. К счастью, кто-то из зрителей успел поддержать её за локоток.

Дарение цветов по этой причине вышло довольно скомканным. Нелины щёки пылали от конфуза. Она подозревала, что Белецкий тоже мог видеть со сцены, какая она неуклюжая. Практически не глядя ему в лицо, она неловко сунула букет куда-то вверх, в руки артисту... и вдруг почувствовала, что он держит её за руку. Неля опешила и подняла глаза. Белецкий галантно склонился над её ладонью и... приложился губами к пальцам. Он поцеловал ей руку!!! Неля чуть не грохнулась в обморок тогда. Очевидно, заметив, что она растерялась и ступала, Белецкий решил слегка подбодрить её, как истинный джентльмен.

Неля, по своему обыкновению, смутилась ещё больше. Когда артист бережно отпустил её ладонь, она развернулась и торопливо зашагала к выходу из зала, что, вероятно, выглядело совсем уж невежливым. Но добрый и участливый взгляд его глаз навсегда запал ей в душу. С тех пор Неля не то чтобы идеализировала Белецкого, но ставила на несколько порядков выше, чем всех его собратьев-актёров, и никогда не верила тем грязным сплетням, что распространяли о нём СМИ. Он навсегда остался для неё настоящим рыцарем...

За завтраком Стас, что-то оживлённо рассказывающий, вдруг заметил, что жена только притворяется, что слушает, вежливо кивая – на самом деле, мысли её явно витают где-то далеко.

– Эй, в чём дело? – засмеялся он и легонько ущипнул её за щёку. Неля вздрогнула и заморгала глазами, возвращаясь к реальности.

– Ты так замечталась о Белецком, что совершенно проигнорировала ту потрясающую новость, которую я тебе только что сообщил? – шутливо попенял он. – Ай-ай-ай, я ведь начну ревновать!

– Да ну тебя, – отмахнулась она, улыбнувшись, – при чём тут вообще Белецкий? Я думала совсем о другом и действительно немного отвлеклась, прости... Так о чём ты говорил? Что ещё за потрясающая новость?

– Нет уж, сначала ты расскажи, что тебя тревожит, – за годы, проведённые вместе, Стас уже научился читать её, как раскрытую книгу. – Тут явно что-то более серьёзное, чем просто «немного отвлеклась».

Неля глубоко вздохнула, но всё-таки решилась сказать.

– Детский дом расформируют, – выдохнула она, поникнув. – Мне матушка Ольга звонила.

– В смысле – расформируют? – не понял Стас. – Но почему? А дети... их-то куда?

– Их отправят в крупный детдом в Новодвинске. А почему закрывают... да просто нерентабельно. Средств на его содержание не хватает. Обслуживающего персонала больше, чем даже, собственно, детей.

– Тебя это сильно огорчает? – он ободряюще прикоснулся к её руке. Неля кивнула.

– Само собой! Малышам ещё повезло, матушка с отцом Николаем собираются усыновить всю младшую группу – там шесть человек. Только никому не говори, ладно? Пока это секрет. А вот что со старшими будет... Я слышала, что в больших детских домах показатели, как ни странно, намного хуже. За воспитанниками там меньше присмотра и ухода, многие пьют или наркоманят с малолетства, – Неля погрустнела. – Матушка говорит, дети в последние дни очень раздражительные и тревожные. Словно чувствуют неладное... Она боится, что если они узнают про закрытие детдома – могут в бега податься.

– Мы в силах хоть чем-то помочь? – осторожно спросил Стас. – Может быть, финансово?

– Расформирования детдома это не предотвратит, – она покачала головой. – Мы ничего не можем сделать, все документы уже подписаны. Ну, если только... хотя нет, это я так, просто, – Неля опустила глаза.

– Что – так? Говори уж, раз начала, – подбодрил её муж, уже догадываясь, какие слова последуют за этим. Неля робко взглянула ему в лицо.

– Может быть... усыновить? Хотя бы одного ребёнка... Я понимаю, что этого мало, – заторопилась она, – но даже если один человек станет счастливее... это уже не напрасно.

Стас некоторое время молча и внимательно рассматривал её лицо, словно открывая жену заново.

– Нелечка, – сказал он мягко, – ты же понимаешь, я надеюсь, что усыновить ребёнка – это не так же просто, как взять в дом котёнка или собачку, а затем, наигравшись, выбросить на улицу или отдать кому-то? Дети – это на всю жизнь... О них нужно не просто заботиться, их нужно ещё и любить. Ты сможешь полюбить чужого ребёнка так же крепко и сильно, как своего?

– Я всё понимаю, Стас, – Неля не замечала, что от волнения нервно покусывает губы. – Я целое утро об этом думаю. Разумеется, это пока всего лишь идея, и нужно ещё сто раз всё хорошенько взвесить, но... я почему-то уверена, что справлюсь. Мы справимся, – поправила она и виновато взглянула ему в лицо, ожидая ответа.

Стас протянул руку и нашёл ладонь жены, чтобы ободряюще сжать её пальцы.

– Мы действительно должны серьёзно об этом поразмыслить. Такие дела не решаются с наскока, по сиюминутному наитию, верно?

– Ну конечно, – Неля постаралась скрыть вздох разочарования. – Ты, действительно, подумай хорошенько. Пока что время терпит... А теперь расскажи мне, что у тебя за новость? – она изо всех сил попыталась придать голосу искренний интерес.

– Тогда держись крепче за стул, а то упадёшь, – подмигнул Стас, мгновенно оживляясь. – Итак, готова?.. Мне предложили пятилетний контракт в Лондоне, в знаменитом Magic Hall! – торжествующим тоном выпалил он. Неля недоверчиво взглянула ему в глаза.

– Это значит...

– Это значит, что на ближайшие пять лет мы переезжаем в Англию! Ну, разумеется, если я соглашусь. Пока что официального подписания контракта не было, они ждут моего ответа в понедельник. Так что скажешь? Круто, да?

Неля испугалась, растерялась и обрадовалась одновременно. Мысли её заметались.

– Но тогда ведь придётся кардинально всё менять, всю нашу привычную и налаженную жизнь... – пробормотала она в замешательстве.

– Да, ерунда! – беззаботно отмахнулся он. Кажется, для себя он уже всё решил и вполне определился с ответом. – Пять лет промчатся быстро, ты и сама не заметишь... К тому же, твои знания языка придутся очень кстати. Тебе будет легко там адаптироваться. И потом... – он на секунду замешкался, но всё же продолжил:

– Матвею в Англии будет проще и лучше. Там люди намного терпимее относятся к чужим проблемам со здоровьем... К тому же, его могут посмотреть британские врачи – вдруг посоветуют что-то дельное, чтобы он быстрее заговорил? Не то, чтобы я не доверял отечественным специалистам, просто, понимаешь...

Неля понимала. Когда у твоего ребёнка серьёзный недуг, хватаешься за любую соломинку, как за спасительный шанс – в надежде, что это непременно сработает и поможет. Ещё вчера на эту новость она ответила бы мужу безусловным согласием и сразу же принялась бы паковать вещи для переезда. Но теперь... Она понимала, что её планам по усыновлению не суждено осуществиться – она банально не успеет завершить этот долгий бюрократический процесс.

– Слушай, по-моему, ты не рада, – уличил её муж. – Только скажи честно – тебе не хочется ехать в Лондон?

Неля нашла в себе силы пошутить:

– Я, конечно же, последую за тобой всюду, как жена декабриста. Ты ведь знаешь, как я тебя люблю. Где ты – там и я, это даже не обсуждается. Помнишь, как в «Титанике»? Если ты прыгнешь, прыгну и я...

Он притянул её к себе.

– Я тоже очень тебя люблю, Нелечка. Но мне совсем не нужны от тебя такие жертвы. Не хочу, чтобы по моей вине ты отказывалась от того, что тебе дорого. Хочешь остаться? Одно твоё слово – и мы никуда не поедem. Или это... – он пытливо вглядывался в её лицо, – это всё из-за идеи с усыновлением? Ты именно поэтому так расстроилась?

Неля помотала головой, стряхивая наваждение.

– Стас, я же не враг своим близким. Эта поездка – действительно редкий шанс: для тебя в плане карьеры, а для Матвея в плане здоровья. Не буду лукавить – я, конечно же, огорчена, что нам не удастся взять ребёнка из детдома. Но всё же слишком много доводов, говорящих в пользу этой поездки. Разве от подобных предложений отказываются? – она ободряюще улыбнулась ему, стараясь скрыть задрожавшие губы.

Стас и не заметил. Он снова прижал её к себе и благодарно прошептал:

– Спасибо...

Гордое слово «ресторан» с большой натяжкой подходило местному заведению общепита под незатейливым названием «На Мезени». Но оно оказалось единственной более-менее приличной едальней на всю округу. К тому же, уверял вездесущий Миша Яковлев, здесь можно было отведать настоящие, традиционные блюда русского Севера – кухню поморов.

Ресторан был деревянным, как и большинство зданий в Романовке, и располагался на самом берегу реки. С трёх сторон его обступали разлапистые высокие ели, а с четвёртой катила перед ним свои чистые и холодные волны Мезень. Вид, конечно, был завораживающий...

За первым совместным ужином их всех, наконец, представили друг другу официально. Впрочем, многие уже и так успели перезнакомиться за это время – кто-то сидел рядом в самолёте, кто-то в автобусе... Только Ася до последнего держалась особняком, что, в принципе, не было свойственно ей по жизни. Она любила большие компании и новые знакомства, обожала шумные тусовки и всю эту весёлую кутерьму... Но сейчас ей хотелось подольше сохранить своё инкогнито: так было интереснее и удобнее наблюдать за окружающими. Узнай они, что Ася журналистка – моментально начали бы наигрывать и вести себя неестественно. Многие звёзды, у которых она брала интервью за всю свою карьеру, именно так и поступали: просто переставали быть самими собой и принимались «делать лицо», точнее, надевали одну из своих масок. Может быть, даже неосознанно, по привычке, по самой своей лицемерной артистической натуре.

В данный момент, находясь фактически в стороне от цивилизации, назойливых папарацци, безумных поклонников и террариума завистливых коллег, все члены съёмочной группы выглядели непринуждённо-расслабленными и настоящими, без прикрас и фальши.

Ну, впрочем, не совсем все... К примеру, та же Аурика была позёркой по жизни и вела себя так, будто её ежесекундно снимает скрытая камера. Что бы они ни делала, о чём бы ни говорила – складывалось впечатление, что девушка исподволь любит себя и призывает полюбоваться всех остальных. Она непрерывно постила фото и видео в свой инстаграм – нельзя было забывать о поклонниках. Аурика и прямой эфир бы устроила, наверное, будь интернет в ресторане не таким ужасающе медленным.

Она фотографировала еду, делала селфи – сольные и с коллегами, выбегала наружу и, сексуально изгибаясь, позировала на берегу, а затем на фоне таёжного леса. А все всё это казалось жутко пошлым, вульгарным и... неуместным, что ли. Тупые, якобы соблазнительные позы, выпяченные губки и томные взгляды с поволокой так дешёво смотрелись на контрасте со сдержанной красотой местной природы... Впрочем, все остальные взирали на резвящуюся Аурику снисходительно, а кое-кто – как, к примеру, Андрей Исаев – и вовсе с откровенным восхищением. Ася покопалась в себе, выискивая истинную причину своего смутного раздражения, и с удивлением и стыдом осознала, что, пожалуй, просто ревнует. Завидует свежести, юности и красоте этой девочки... Да уж, понять и принять такой факт о самой себе было неприятно. Как-то мелко и недостойно.

Узнав, что Ася будет делать репортаж о будущем фильме, за столом все сразу как-то притихли, приосанились и подобрались. Кто-то даже перестал с аппетитом чавкать и опасливо втянул живот. Её это и рассмешило, и расстроило. Ну вот, как она и предсказывала... Слово «журналист» действует на них всех просто уничтожающе. Белецкий так и вовсе взглянул на неё неприязненно, чуть ли не с отвращением, как на какую-нибудь омерзительную бородавчатую жабу. Асю это задело: она не привыкла к подобной мужской реакции на себя и почувствовала, что глубоко уязвлена.

Выглядел он, конечно, потрясающе. А все с её богатым опытом по части мужчин редко встречались подобные чистопородные красавцы. Правда, она услышала краем уха, как Валентина – художник по гриму – ворчала на него:

– Что за пошлый пролетарский загар, граф? Где ваша благородная бледность?

Белецкий смущённо оправдывался тем, что буквально пару дней назад вернулся из Сочи, где проходил фестиваль «Кинотавр». Жаркое южное солнце, расслабляющая курортная атмосфера черноморского побережья... он и сам не заметил, когда успел загореть.

– Ладно, – махнула рукой Валентина, – замаскируем как-нибудь... Но завтра ты сядешь ко мне на грим первым. Придётся немало повозиться.

Как и все остальные женщины съёмочной группы, она была чуточку влюблена в Белецкого – самую малость, не до сумасшествия, а до приятной истомы, и потому не могла на него долго сердиться.

Впрочем, не только представительницы прекрасного пола кидали на артиста пламенные взоры. Исполнительный продюсер фильма Владимир Юлдашев, которого, умиротворяя его бешеный норов, все ласково называли Вовочкой, был геем и даже не скрывал того, что Белецкий ему симпатичен. Впрочем, границы он соблюдал: не позволял себе явных ухаживаний и домогательств, уважая и традиционную ориентацию актёра, и его семейное положение. Вовочке было около сорока пяти лет – симпатичный, ухоженный, с модной стрижкой и одетый с иголочки, он являлся неформальным руководителем данного проекта, поскольку спонсировал фильм и занимался его продвижением. С его мнением, хочешь не хочешь, вынуждены были считаться все, включая самого режиссёра.

Да, режиссёр... Ася с любопытством разглядывала эту живую легенду современного российского кинематографа. Семёну Горевому было всего пятьдесят лет, но эпитеты «великий» и «культовый» приклеились к нему давно и прочно. Это был невысокий, усатый как таракан, шумный, подвижный и вспыльчивый, но, как она поняла позже, в целом ужасно добрый и порядочный человек. Он так талантливо и ловко дирижировал всем этим огромным сумасшедшим оркестром – киногруппой, придавая звучанию слаженность, единство и целостность, что невозможно было не восхищаться его мастерством.

Ну, и ещё один член их команды, который выделялся и запоминался сразу – главный оператор Артём Раков. Он был довольно молод, примерно Асин ровесник. Явный фанат своего дела, готовый часами рассуждать об особенностях и приёмах ведения съёмки, Артём выглядел и вёл себя немного манерно, даже женственно, но, в отличие от Вовочки-продюсера, геем не являлся, хоть невольно и производил именно такое впечатление.

Остальные участники съёмочного процесса пока что сливались в Асиных глазах в сплошную бесформенную массу, и она почти никого не выделила и не запомнила. Что удивительно, даже главная звезда проекта – Вероника Мендес – вела себя скромно, практически незаметно. Она сидела рядом с Белецким и время от времени о чём-то с ним тихо переговаривалась. Ася обратила внимание, что на Мендес не было ни грамма косметики. Выглядела она, в общем, и так довольно неплохо, но ей бы не помешало распустить свои шикарные волосы, сейчас собранные в скромный пучок на затылке, да и одеться желательно поярче, попривлекательнее...

Стоп, осадила себя Ася. Только что ты так же осуждала юную Аурику за её слишком явное стремление покрасоваться, быть для всех притягательной и желанной, за её соблазнительные позы на фотографиях. И что теперь? Вот перед тобой сидит знаменитая певица – такая, какая есть, без украшений и прочих уловок, и ты снова недовольно бурчишь из-за того, что она недостаточно сексапильна? Да Вероника, должно быть, настолько самодостаточный человек, что её совершенно не заботит, как она выглядит в глазах окружающих: ей самой вполне комфортно и спокойно, она не собирается никого пленять.

«Пора мне завязывать с критиканством, – подумала Ася, – и впрямь как бабка-сплетница на лавочке у подъезда: лишь бы осудить да ярлыков навешать».

Она заставила себя отвлечься от изучения коллектива и сосредоточиться на угощении.

Потчевали их, как и было обещано, традиционными поморскими кушаньями, в которых, конечно же, преобладала рыба. Отведали они и знаменитой тресковой ухи с лимоном, лавровым листом и чёрным перцем, и красного «рыбника» (пирога с начинкой из мезенской сёмги), и блинов с той же сёмгой... Были и солёные грузди, и помидоры в желе, и шаньги с лесными ягодами, и поморский кёж – горячий ягодный кисель...

Асю немного удивило, что праздничное застолье обошлось без крепких алкогольных напитков – только немного вина. Оказалось, это было личным распоряжением Семёна Горевго. Он не желал, чтобы накануне первого съёмочного дня члены его съёмочной группы перепились, как свиньи. Работа – прежде всего; это было его нерушимым правилом, которому он неуклонно следовал.

Примерно к середине застолья, когда все окончательно расслабились, перезнакомились и размякли от обилия вкусных блюд и напитков, Ася поняла, что нестерпимо хочет курить. Она не знала, распространялся ли на эту деревушку запрет на курение в общественных местах, но решила рискнуть и тихонько выскользнула наружу. Спустившись с крыльца, она остановилась и принялась копаться в сумочке в поисках зажигалки. Чёрт!.. Неужели забыла в гостинице? На всякий случай она похлопала себя по карманам – пусто.

Вообще-то, Ася бросала эту пагубную привычку, когда они с Димой пытались зачать ребёнка. Но, поняв, что забеременеть всё равно не получится, она снова принялась дымить. Не так часто, чтобы это нервировало окружающих, но три-четыре сигареты в день были ей необходимы. Ну и что теперь делать?!

Она уже принялась всерьёз размышлять о том, как бы незаметно оставить всю эту милейшую компанию в ресторане и улизнуть обратно в гостиницу, но побоялась, что заблудится. Хоть Романовка была и не очень крупной деревней, Ася здесь пока совершенно не ориентировалась. Вполне можно заплутать – не самая весёлая перспектива, если учесть, что с одной стороны подкрадывается густой мрачный лес, а другая половина деревни занята цыганами (эту её часть все местные называли исключительно «Цыгановкой» – сначала в шутку, а потом привыкли).

Она некоторое время растерянно топталась на месте, оглушённая звенящим комарьём, от укусов которого приходилось беспрестанно отмахиваться. В это время на крыльцо вышел Белецкий. Ася решила отбросить былые обиды (она всё ещё помнила, как искривилось его лицо, когда он узнал об Асиной профессии) и обратиться к нему за помощью.

– Александр, не одолжите ли вы мне зажигалку? – спросила она с приветливой и располагающей улыбкой.

– Не курю, – бросил он отрывисто, мельком взглянув в её сторону, и тут же демонстративно отвернулся.

Ася опешила от этого тона и поведения, моментально разозлившись.

– Спасибо, что не ударили, – вкладывая в интонацию как можно больше яда, произнесла она. – Я всего лишь попросила зажигалку, мать вашу!..

Он снова нехотя обратил на неё взгляд («Чванливый напыщенный мудака со звёздной болезнью!» – пронеслось у Аси в голове) и слегка приподнял брови.

– Не понял... при чём здесь моя мать?

– А при чём здесь ваш тон, как будто разговаривать со мной – ниже вашего достоинства? Мы не в Индии, и я не из касты неприкасаемых...

– То есть, вы предлагаете мне преодолеть предрассудки и всё-таки потрогать вас? – похоже, он конкретно издевался над ней, и Асю это нервировало.

– За что вы на меня так взъелись? – с искренним недоумением спросила она. – В ответ на мою невинную просьбу так посмотрели, будто я у вас миллион украла.

– Просто не выношу курящих женщин и журналистов, – буркнул он. – Поэтому вы – живое воплощение моих самых страшных кошмаров.

– Ну, знаете ли! – возмутилась она подобному заявлению. – С какой стати и по какому праву вы всё это мне сейчас предъявляете?

– Просто хочу дать понять, чтобы вы держались от меня подальше, – холодно отозвался он, смерив её очередным уничтожающим взглядом.

– Я и не думала... – начала было Ася, но он перебил:

– Правильно, не думали. Журналисты вообще привыкли никогда ни о чём не думать, кроме как о том, чтобы залезть к нам в постель – и в прямом, и в переносном смысле, – его губы презрительно искривились.

Хам. Он просто банальный хам, поняла Ася. От этой догадки у неё даже злость прошла – впопугу было пожалеть бедолагу, не отягощённого избытком воспитания.

– Ну, это вечная песня всех, прости господи, знаменитостей на пике осознания собственного величия, – заметила она ехидно. – Какие вы бедненькие-несчастненькие, и какие бяки журналисты, что пишут про вас всякую каку. Уж вам ли жаловаться?! – Ася рассмеялась. – Мы своими статьями делаем вам славу. Кем бы вы были без этих публикаций? Вы отчаянно в нас нуждаетесь, но при этом продолжаете делать хорошую мину при плохой игре – ах, утомили, ой, оболгали... А на самом-то деле рады любому пиару, хоть чёрному, хоть белому. Вам всё – реклама, кроме некролога! Сами ведь от ужаса рыдаете, если про вас перестают писать...

– Вы закончили читать мне мораль? – мрачно поинтересовался Белецкий. – Так вот, зарубите себе на носу: мне вашего пиара и даром не надо. Если вы не напишете обо мне ни строчки – вранья ли, правды ли – я буду одинаково счастлив, уверяю вас, – пообещал он.

– Господи, как с вами трудно... – вздохнула Ася. – Я не папарацци, не охотница за сенсациями и грязными сплетнями, а официальный представитель кинокомпании, которая вас снимает, – бросила она чуточку высокомерно. – Неужели вы не видите разницы? В моих интересах писать о съёмках только хорошее...

– Знаю я вашу породу, – недоверчиво хмыкнул он. – Вы все одинаковы.

– Ну, хватит, – снова разозлилась Ася, хотя ещё минуту назад была уверена, что ему больше не удастся её задеть. – Я вовсе не намерена выслушивать эти грубости!

Она взбежала по крыльцу и потянула на себя ручку двери, пылая от возмущения и досады. Отличный перекур у неё получился, ничего не скажешь... Но всё-таки, какой неприятный, отталкивающий и самовлюблённый тип! Не зря она опасалась, что с ним будет непросто найти общий язык... Какой ещё «общий язык», боже мой, подумала Ася. Она предпочла бы и вовсе никогда с ним больше не пересекаться.

Вновь очутившись в зале ресторана, Ася заметила, что в её отсутствие все уже перешли, что называется, от хлеба к зрелищам. Внимание собравшихся было сосредоточено на Веронике Мендес, которая сидела, небрежно закинув одну стройную ногу на другую, и держала в руках гитару. «Гитара-то у неё откуда?» – мимолётно удивилась Ася, чётко помнившая, что в ресторан певица явилась без всяких музыкальных инструментов.

Оказалось, это хозяин ресторана подсуетился – притащил свою, очень уж ему хотелось послушать пение Мендес вживую. Та не стала ломаться или отнекиваться, ссылаясь на усталость – просто отхлебнула воды из стакана и объявила:

– Цыганская таборная песня «Ты ветер».

Затем она поднесла руку к волосам и одним неуловимым движением вытащила оттуда шпильку. Миг – и её прекрасные волосы рассыпались по плечам. Мендес встряхнула головой, предоставляя этим шёлковым волнам ещё больше свободы. «Вошла в образ», – поняла Ася, невольно зачарованная зрелищем. Чёрт, это было красиво! Очень естественно, без капли рисовки и позёрства, но при этом завораживающе и волнительно. Ася даже позавидовала этой непринуждённой грации: сейчас от Мендес никто не мог отвести глаз, все жадно следили за каждым её жестом и уже не обращали внимания на то, что одета она в простые джинсы со свитером, а на лице её совершенно нет косметики. Она была прекрасна.

Тронув струны, Мендес запела глубоким чувственным голосом:

– Ты, балвал, ту, балвал,

*Со на воинэса?
Умардян мирэ ромэс,
Со на ракирэса?**

«Она и цыганский знает? – поразились Ася. – Или специально выучила текст перед съёмками, готовилась?» Впрочем, через секунду она уже вообще забыла, что её волновал этот вопрос: Мендес не просто исполняла таборную песню – в данный момент она *была* самой настоящей цыганкой. И у Аси ещё имелись сомнения, что певица не справится с ролью?! Ей стало стыдно за те ничтожные мысли.

Переливы дивного голоса Вероники гипнотизировали слушателей, которые боялись шелохнуться или вздохнуть, чтобы не разрушить это волшебное очарование. Даже молодая официанточка, подошедшая к столу, чтобы забрать грязные тарелки, на несколько минут забыла о своих прямых обязанностях – так и застыла с подносом, чуть приоткрыв в восхищении полные розовые губы.

Краем глаза Ася ухватила, что в зал вернулся Белецкий, и сразу же напряглась. Но, к счастью, он не обратил на неё никакого внимания. Судя по всему, его тоже захватило пение своей партнёрши по фильму. Он смотрел на Мендес с изумлением и восторгом. Ну надо же, умеет ведь и восхищаться кем-то, а не только хамить, подумала Ася с некоторой обидой. Хотя, может быть, он просто поклонник цыганщины, или в принципе ценитель красивого вокала... А ведь его нынешняя жена – тоже певица, вспомнила вдруг Ася. Вдруг это его тайный фетиш – поющие женщины? Ха-ха, а что, если у них с Мендес завяжется роман вне съёмочной площадки? Про него же говорят, что он ни одного смазливенького личика не пропускает, а тут такая красивая и интересная во всех отношениях особа...

Как оказалось позже, Ася снова ошиблась.

**Ты, балвал, ту, балвал, со на воинэса? Умардян мирэ ромэс, со на ракирэса? – Ветер ты, ветер, что же не воешь? Мой муж убит, отчего же не расскажешь об этом? (цыг.)*

После импровизированного концерта и искренних восторженных аплодисментов режиссёр намекнул собравшимся, что пора бы и честь знать: время перевалило за полночь. Завтра им всем предстоял длинный и напряжённый съёмочный день, самый первый и оттого самый ответственный и нервный. Ведь именно начало рабочего процесса во многом определяет весь дальнейший настрой, ритм и эффективность съёмок.

Владелец ресторана уговаривал их ещё и на бонус – посещение самой настоящей русской бани, обещая организовать всё по высшему разряду. Но было действительно уже очень поздно. Хотя Ася, положив руку на сердце, не отказалась бы попариться в баньке, поскольку мысль о холодном гостиничном номере без какого-либо намёка на уют нагоняла на неё тоску... Впрочем, с завтрашнего дня им всем было обещано по одному обогревателю на номер. Может, будет ещё и не так страшно.

Она вдруг обратила внимание, что юная официантка, уже давно закончившая свою работу, всё равно продолжает вертеться возле их съёмочной группы. Ася, имеющая особый нюх на такие вещи, моментально просекла её сердечный интерес: девушке явно запал в душу Андрей Исаев. Она так и косила в сторону молодого актёра очами – звёздными, ясными, словно промытыми чистейшей мезенской водой. Официантка вообще была на диво хороша собой. Этакое живое воплощение старинного представления о настоящей русской красавице: рослая, статная, фигуристая, с румянцем во всю щёку и льняной косой толщиной в руку. Типаж, давно вышедший из моды, но, тем не менее, приковывающий к себе восхищённые взгляды. Правда, сам Андрей, к сожалению, едва ли замечал присутствие официантки. В её сторону он даже ни разу не взглянул, порабощённый красотой другой девушки – Аурики. Зато хозяин ресторана

вычислил горячую симпатию своей работницы к заезжему столичному молодцу и под шумок, незаметно от посторонних глаз, влепил ей смачного шлепка по заднице. Ася округлила глаза, но тут же поспешно отвернулась, чтобы не выдать себя. Спит, что ли, эта красотка со своим работодателем?.. Он же ей в отцы годится.

Не успела приехать, как уже угодила в какую-то Санта-Барбару, шутливо посетовала Ася про себя. Владельцу ресторана нравится официантка, официантке импонирует Андрей, Андрей запал на Аурику, а вот Аурика – ха-ха-ха! – кажется, положила глаз на Белецкого, несмотря на тоже довольно значительную разницу в возрасте. Но кто же нравится Белецкому – вот в чём вопрос! Интересно, кстати, было бы взглянуть на его жену, кто она такая и что из себя представляет, подумала Ася. С его-то внешностью да темпераментом по части женского пола супругу он должен был выбрать либо себе под стать – ослепительную красотку, кружащую головы и разбивающую сердца, либо наоборот – серую мышку-тихоню, призванную терпеть его многочисленные измены, обеспечивать крепкий тыл и поддерживать тепло домашнего очага, регулярно рожая наследников.

«Вернусь в гостиницу и поищу в инете информацию о ней», – решила Ася, не совсем, впрочем, отдавая себе отчёт, зачем ей это в принципе надо и какое отношение имеет к работе.

Компания дружно вывалилась из ресторана на свежий воздух – шумная, разгорячённая и весёлая. Но все сразу же невольно замерли, онемев от открывающейся перед ними фантастической картины.

Белая северная ночь раскинула свои широкие крылья над великой студёной рекой, бескрайними луговыми просторами и верхушками сосен. Горизонт был освещён ярко-оранжевым солнечным светом, словно на закате. На самом деле, конечно же, солнце в этих краях и вовсе не достигало горизонта в июне: остановившись чуть выше линии слияния земли и неба, вскоре после полуночи оно начинало медленно возвращаться назад.

Многие тут же схватились за свои телефоны, чтобы попытаться запечатлеть эти прекрасные мгновения.

– Ой, какая красота! – всплеснула руками Аурика. Затем, обведя взглядом всех присутствующих, она остановилась на Асе, которая (единственная из них) держала в руках профессиональную фотокамеру. Работа – прежде всего, поэтому Ася не забывала снимать членов съёмочной группы даже во время застолья: вдруг пригодится в будущем материале о фильме? Так сказать, киношники в непринуждённой обстановке...

– Простите, я забыла, как вас зовут... Анна?

– Анастасия, можно просто Ася, – улыбнулась она в ответ.

– Ася? Супер. Не могли бы вы сделать несколько моих фото на фоне этого чудненького заката? – зашебетала Аурика.

– Это не закат, а уже, скорее, рассвет, – усмехнулась Ася. – Но почему бы и нет... Где вы хотите встать?

Аурика оживилась:

– О, вот тут – чтобы было видно реку позади меня!.. А потом вот здесь, на фоне этого роскошного дерева...

Они вдвоём двинулись к «роскошному дереву».

– Скинете мне потом эти фотки? – живо поинтересовалась Аурика. – Я вам в гостинице флешку дам.

– Да без проблем. Только уже утром, наверное.

– Класс! Спасибо.

– Аурика, – негромко сказала Ася, – если позволите, я дам вам маленький совет. Не надо позировать в вашем излюбленном стиле. Он, безусловно, очень секси, но здесь другая атмо-

сфера, поэтому от вас требуется иной посыл. Не нужно отключенной попы, выпяченных губ и прочих женских штучек, хоть они у вас – честное слово – получаются просто прекрасно!

Аурика притихла, признавая Асины правоту и авторитет.

– Попробуйте просто приложить ладонь к стволу, – предложила Ася, вовсю входя в роль фотографа. – Погладьте его, почувствуйте жизнь внутри... Чуть-чуть обернитесь в мою сторону, вот так, достаточно... и думайте о том, что чувствуете, прикасаясь к кусочку природы. Забудьте о камере. Слушайте тишину ночи и своё сердце...

Аурика расслабилась. Лицо её без навязчивого сексуального призыва стало по-детски доверчивым и милым. Она распахнула свои огромные глаза и благоговейно застыла у могучего шершавого ствола...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.